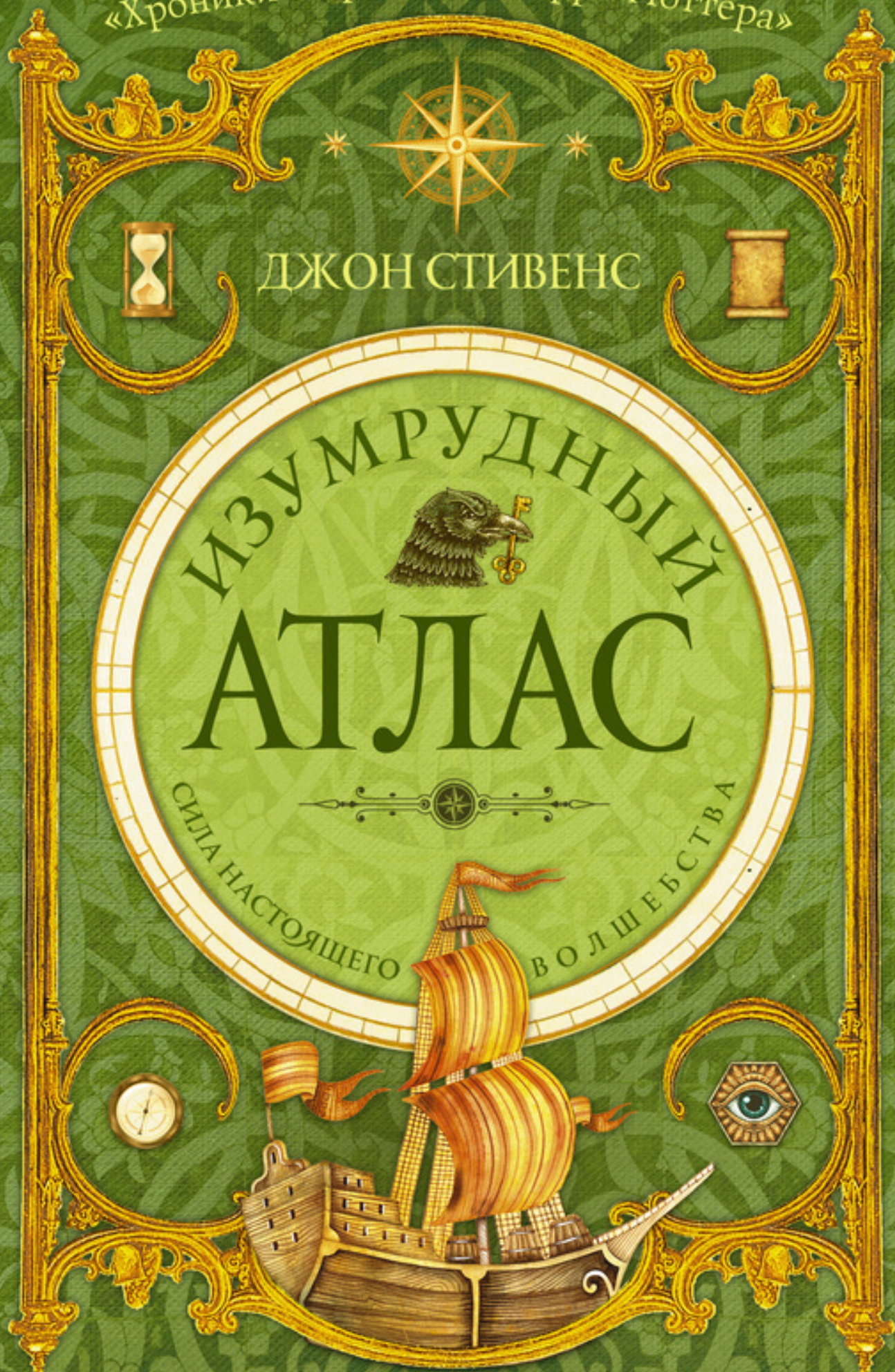

Для тех, кто любит
«Хроники Нарнии» и «Гарри Поттера»

ДЖОН СТИВЕНС

ИЗУМРУДНЫЙ
АТЛАС

СИЛА НАСТОЯЩЕГО
ВОЛШЕБСТВА

Изумрудный атлас

Джон Стивенс

Изумрудный атлас

«АСТ»

2011

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Стивенс Д.

Изумрудный атлас / Д. Стивенс — «АСТ», 2011 — (Изумрудный атлас)

ISBN 978-5-17-085395-3

Однажды под покровом ночи трое спящих детей были закутаны в одеяла и увезены из дома от смертельной опасности. С тех пор Кейт, Майкл и Эмма сменили много сиротских приютов, не переставая надеяться, что когда-нибудь родители вернутся за ними. Но однажды дети попадают в совсем уж странное место. Они оказываются единственными воспитанниками в огромном полузаброшенном доме и находят таинственный кабинет со старинными книгами. Прикоснувшись к странной книге в зеленом переплете, дети переносятся в прошлое – им предстоит сразиться с ведьмой, узнать, кем были их родители, и попытаться изменить будущее, чтобы спасти жителей маленького городка у подножия водопада и вернуться домой.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-085395-3

© Стивенс Д., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джон Стивенс

Изумрудный атлас

John Stephens

BOOKS OF BEGINNING: THE EMERALD ATLAS

Печатается с разрешения автора и литературных агентства Writers House LLC и Synopsis Literary Agency

Copyright © John Stephens, 2011

© В. Максимова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Моим родителям

Пролог

Девочку растормошили. Над ней склонилась мать.

– Кейт, – тихо и настойчиво зашептала она, – послушай меня внимательно. Ты должна кое-что для меня сделать. Я прошу тебя сберечь брата и сестру. Ты поняла? Я прошу тебя сберечь Майкла и Эмму.

– Что?..

– Нет времени объяснять! Пообещай мне, что позаботишься о них.

– Но...

– Кейт, умоляю! Просто пообещай!

– Я... я обещаю.

Это случилось в сочельник. Целый день шел снег. Кейт как самой старшей в этот вечер разрешили лечь спать позже брата с сестрой. Это означало, что даже после того, как разошлись последние певцы, распевавшие святочные гимны, Кейт все еще сидела с родителями у камина, пила горячий шоколад, смотрела, как папа с мамой обмениваются подарками – дети должны были получить свои только утром – и чувствовала себя очень взрослой для своих четырех лет. Мама подарила папе маленькую толстую книжку, с виду очень старую и потрепанную, но страшно обрадовавшую папу, а он вручил маме медальон на золотой цепочке. В медальоне была крошечная фотография детей – Кейт, двухлетнего Майкла и маленькой Эммы. Потом, наконец, пришло время отправляться в кровать, и Кейт еще полежала в темноте, счастливая и разомлевшая под теплым одеялом, гадая, сможет ли она когда-нибудь уснуть, и тут ее вдруг резко разбудили.

Дверь в ее комнату была распахнута, и в свете, падавшем из коридора, Кейт увидела, как ее мама быстро подняла руки и растянула цепочку с медальоном. Наклонившись над постелью, она приподняла Кейт и защелкнула украшение у нее на шее. Девочка вдохнула запах

имбирных пряников, которые мама пекла накануне, почувствовала щекочущее прикосновение ее волос, а потом что-то мокрое капнуло ей на щеку, и Кейт поняла, что мама плачет.

– Помни, что мы с папой очень вас любим. И мы обязательно снова будем вместе. Обещаю.

Сердце быстро-быстро заколотилось в груди у Кейт, она открыла рот, приготовившись спросить, что происходит, но тут в дверях появился незнакомый мужчина. Он стоял спиной к свету, поэтому Кейт не могла видеть его лица, однако запомнила, что незнакомец был высоким и худым, в длинном пальто и чем-то, похожем на очень мягкую шляпу.

– Пора, – сказал он.

С тех пор этот голос и образ – высокий мужской силуэт на фоне освещенного дверного проема – будут много лет подряд преследовать Кейт, ибо это был последний раз, когда она видела свою мать и когда ее семья была вместе. Затем мужчина произнес что-то неразборчивое, и словно тяжелый занавес задернулся в голове у Кейт, скрыв стоявшего в дверях мужчину, свет, маму и все остальное.

Завернув уснувшую девочку в одеяло, женщина взяла ее на руки, спустилась по лестнице следом за мужчиной и, пройдя мимо гостиной, где в камине еще не погас огонь, вышла из дома в холод и тьму.

Если бы девочка не уснула, она непременно увидела бы, что ее отец стоит на снегу рядом со старой черной машиной, держа на руках ее спящих брата и сестру, так же завернутых в теплые одеяла. Высокий мужчина открыл заднюю дверцу машины, и отец положил свою ношу на сиденье, потом обернулся, взял Кейт из рук жены и бережно пристроил девочку рядом с сестрой и братом. Высокий мужчина с тихим хлопком закрыл дверцу.

– Ты уверен? – спросила женщина. – Ты уверен, что это единственный выход?

Высокий мужчина шагнул в свет уличного фонаря и впервые за все это время стал хорошо виден. К слову сказать, случайному прохожему его внешность вряд ли внушила бы доверие. Пальто загадочного незнакомца было все в заплатках и с бахромой на манжетах, на его старом твидовом костюме недоставало пуговицы, белую рубашку пятнали кляксы от чернил и табака, а галстук – пожалуй, самая странная деталь всего костюма – был завязан не одним, а сразу двумя узлами, словно одевавшийся не был точно уверен, справился ли он с этим элементом туалета, и вместо того, чтобы посмотреть и проверить, просто завязал его еще разок, для верности. Длинные седые космы торчали из-под шляпы старика, а его брови огромными белоснежными рогами топорщились надо лбом, свисая на гнутые-перегнутые и чиненные-перечиненные очки в черепаховой оправе. Проще говоря, вид у загадочного посетителя был такой, словно он одевался в разгар урагана, но, решив, будто все еще выглядит излишне респектабельно, скатился кубарем с лестницы.

Но стоило вам заглянуть ему в глаза, как все менялось.

Этим глазам не нужно было внешнее освещение, чтобы ярко сиять в темной заснеженной ночи, а смотрели они с такой необычайной энергией, добротой и пониманием, что заставляли забыть и о запятнанной табаком и чернилами рубашке, и о заклеенных очках, и даже о дважды завязанном галстуке. Ибо, посмотрев в эти глаза, вы ощутили бы присутствие подлинной мудрости.

– Друзья мои, мы всегда знали, что этот день когда-нибудь настанет.

– Но что изменилось? – спросил отец детей. – После Кембриджского водопада все было спокойно! А это было пять лет тому назад! Что-то же должно было произойти?

Старик вздохнул.

– Сегодня вечером я отправился на встречу с Девонем Мак-Клеем.

– Но он не... он не может...

– Боюсь, что да. И поскольку мы не можем знать, что он открыл им перед смертью, приходится предполагать самое худшее. Мы должны исходить из того, что он рассказал им о детях.

Очень долго все молчали. Затем женщина разрыдалась в голос:

– Я сказала Кейт, что мы снова будем вместе. Я солгала ей.

– Дорогая...

– Он не успокоится, пока не найдет их! Они никогда не будут в безопасности!

– Ты права, – очень тихо сказал старик. – Он не успокоится.

По-видимому, никому из присутствующих не требовалось пояснять, кто такой этот «он».

– Но есть один выход. И мы всегда о нем знали. Нужно позволить детям вырасти. Исполнить свое предназначение... – Старик вдруг резко замолчал.

Мужчина и женщина обернулись. Три темные фигуры стояли в конце квартала и в упор смотрели на них. На улице вдруг стало очень тихо, даже снежинки, казалось, зависли в воздухе.

– Они уже здесь, – сказал старик. – Они выследят детей. Исчезните. Я разыщу вас.

Не дожидаясь ответа родителей, старик распахнул переднюю дверцу машины и сел за руль. Три фигуры молча шагнули вперед. Когда мотор сипло раскашлялся, мужчина и женщина попятились обратно в дом. Несколько мгновений колеса беспомощно прокручивались в снегу, но потом все-таки сцепились с мостовой, и машина рванула с места. Фигуры бросились бежать, в мгновение ока они очутились возле мужчины и женщины, но даже не посмотрели в их сторону: их интересовала только машина, буксовавшая и скользившая по заснеженной улице.

Седовласый старик вел автомобиль, вцепившись обеими руками в руль. К счастью, время было позднее, а из-за снегопада и сочельника на дороге совсем не было машин, которые могли бы замедлить продвижение. Но как быстро ни мчался автомобиль, темные фигуры неумолимо приближались. Они бежали с бесшумной призрачной грацией, каждым шагом покрывая дюжину ярдов, черные крылья пальто зловеще развевались за их спинами. Свернув за угол, машина с разбега врезалась в припаркованный фургон, и две фигуры, высоко подпрыгнув, уцепились за стены домов, стоявших вдоль улицы. Покосившись в зеркало, старик увидел, что его преследователи, словно ожившие горгульи, ползут по фасадам зданий.

В его глазах не промелькнуло ни тени изумления, он лишь молча вдавил в пол педаль газа.

Машина помчалась через площадь, на полной скорости пролетев мимо толпы прихожан, выходивших из церкви. Старик ехал в старую часть города, и вскоре его автомобиль запрыгал на мощенных булыжником улочках. Дети безмятежно спали на заднем сиденье. Одна из темных фигур спрыгнула со стены богатого особняка и с тяжелым стуком шлепнулась на машину. В следующее мгновение бледная рука просунулась сквозь крышу и принялась рвать металлическую обшивку. Второй преследователь ухватился за машину сзади и с силой уперся каблучками в мостовую, оставляя глубокие борозды в вековых камнях.

– Еще немножко, – пробормотал старик. – Совсем немножко.

Они въехали в белый от снега и совершенно пустынный парк, и машина покатила по замерзшей земле. Впереди показалась темная полоса реки. Дальше одновременно произошло следующее: старик дал полный газ; последний преследователь схватился за дверь; крыша провалилась, впуская внутрь поток холодного воздуха, и единственное, что осталось прежним, – это дети, мирно сопевшие на заднем сиденье. В следующее мгновение машина сорвалась с невысокого берега и полетела над рекой.

Но она не коснулась воды. В самый последний момент машина просто исчезла, а три темные фигуры, размахивая руками и ногами, с шумом плюхнулись в реку.

Мгновение спустя и в двухстах милях севернее черная машина без единой царапины на кузове остановилась перед большим серым каменным зданием. Видимо, ее здесь ждали, ибо низенькая женщина в черных одеждах уже бежала по лестнице навстречу гостям.

Старик и женщина вытащили детей из машины и внесли их внутрь. Поднявшись на верхний этаж, они прошли по длинному коридору, украшенному мишурой и рождественскими

гирляндами. Они миновали несколько комнат, в которых спали дети. Затем подошли к последней двери. В этой комнате было совсем пусто, если не считать двух кроваток и колыбельки.

Монахиня, ибо невысокую женщину звали сестра Агата, внесла в комнату мальчика и маленькую девочку. Она уложила мальчика в кровать, а его сестру в колыбельку. Никто из детей даже не шелохнулся. Старик опустил Кейт на соседнюю кровать. Укрыл ее одеялом до подбородка.

– Бедные крошки, – сказала сестра Агата.

– Да. Подумать только, как много от них зависит.

– Ты уверен, что здесь они будут в безопасности?

– Насколько это вообще для них возможно. Он будет охотиться за ними. Это несомненно.

Но теперь только мы с тобой знаем, где они.

– Как мне их назвать? Им нужна новая фамилия.

– Как насчет... – Старик на мгновение задумался. – П?

– Просто П?

– Просто П.

– Но как быть со старшей девочкой? Она-то помнит свое имя!

– Я позабочусь о том, чтобы она его забыла.

– Ах, просто не верится, что это все-таки случилось, просто не верится... – Сестра Агата посмотрела на своего сообщника. – Ты не останешься с нами ненадолго? Я растопила камин внизу, и монастырский эль у меня еще остался. В конце концов, сегодня Рождество.

– Трудно устоять. Но к сожалению, я должен как можно скорее вернуться за их родителями.

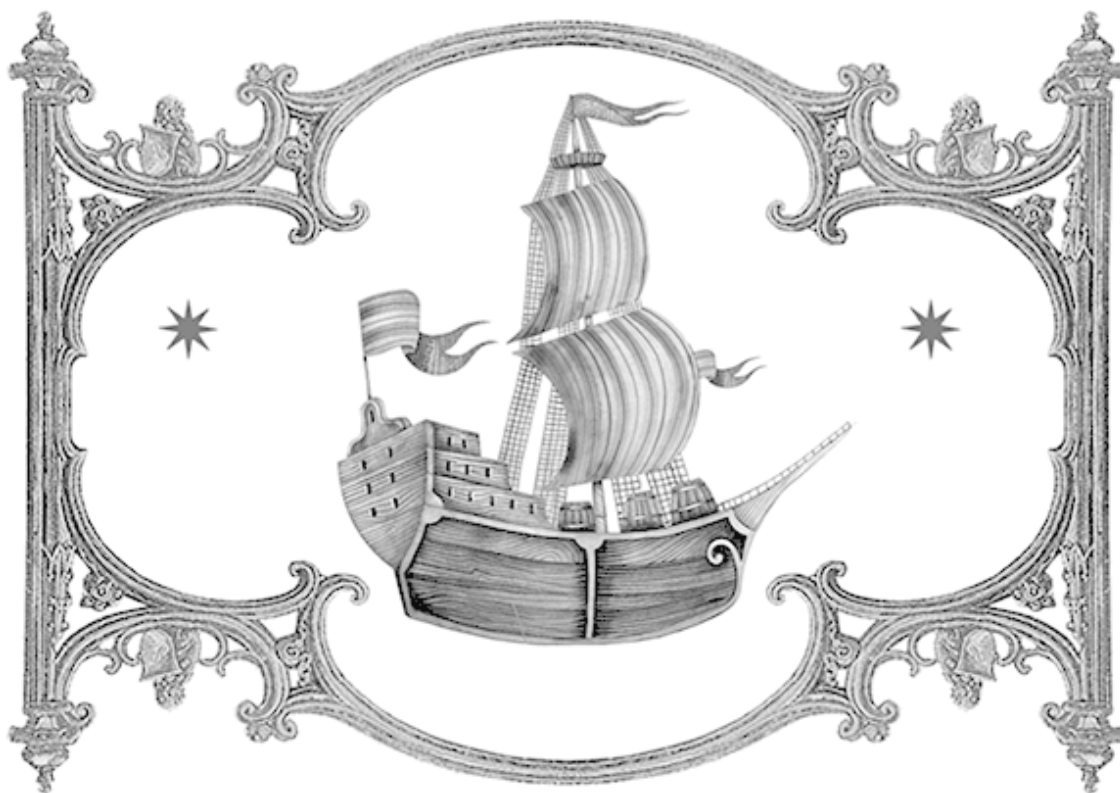
– Ах, вот горе-то какое, значит, это все-таки началось, – вздохнула женщина, засеменив в коридор.

Старик направился к двери следом за ней, но у порога остановился и оглянулся на спящих детей. Потом поднял руку, словно в благословении, прошептал: «До встречи», – и вышел из комнаты.

Трое детей спокойно спали, не подозревая о новой жизни, которая ждала их после пробуждения.

Глава 1

Шляпа миссис Лавсток

Шляпа, о которой пойдет речь, принадлежала миссис Констанс Лавсток. Миссис Лавсток была дамой средних лет, обремененной благими намерениями и отсутствием детей. Она не принадлежала к числу женщин, готовых довольствоваться полумерами. Взять хотя бы ее страсть к лебедям. Миссис Лавсток безоговорочно считала их самыми красивыми и грациозными созданиями во всем мире.

– Столь грациозны, – говорила она, – столь элегантны.

Подъезжая к ее большому и роскошному дому в пригороде Балтимора, путник первым делом видел живую изгородь, подстриженную в виде лебедей. Следом шли статуи взлетающих лебедей. Фонтаны, в которых мама-лебедиха поливала водой птенцов-лебедят. Купальня в форме лебедя, в которой устаивались чести купаться менее почтенные птицы. И разумеется, сами лебеди, скользившие по окружающим дом прудам или лениво переваливавшиеся – к сожалению, с гораздо меньшим изяществом, чем можно было бы от них ожидать, – мимо огромных окон первого этажа.

– Я ничего не делаю наполовину, – с гордостью говорила миссис Лавсток.

И вот однажды вечером в начале декабря, сидя у камина рядом со своим мужем, мистером Лавстоком, который, к слову сказать, каждое лето проводил каникулы отдельно от жены, говоря, что уезжает собирать жуков, а сам охотился на лебедей в одном частном заповеднике во Флориде, где с сатанинской ухмылкой на лице расстреливал несчастных птиц практически в упор, – миссис Лавсток выпрямилась на диванчике в виде лебедя, отложила вязание и громко объявила:

– Джеральд, я решила усыновить несколько ребятшек.

Мистер Лавсток вынул изо рта трубку и издал задумчивый звук. Он отлично слышал, что сказала жена. Не «ребенка», а «несколько ребятишек». Однако за долгие годы супружества он убедился в бесполезности прямой конфронтации с женой. Поэтому мистер Лавсток решил, что добьется больших успехов мудрым сочетанием лести и безразличия.

– Что ж, душечка, это грандиозная мысль. Ты будешь потрясающей матерью. Конечно, давай усыновим ребенка.

Но миссис Лавсток сердито поцокала языком.

– Не надо юлить, Джеральд. Я не собираюсь усыновлять одного ребенка! Овчинка выделки не стоит. Думаю, я начну с трех.

С этими словами она встала, давая понять, что дискуссия окончена, и вышла из комнаты.

Мистер Лавсток вздохнул, вернул трубку в рот и прикинул, нельзя ли будет подыскать какое-нибудь местечко для летней охоты на детишек.

«Вряд ли», – подумал мистер Лавсток, возвращаясь к своей газете.

– Это ваш последний шанс.

Кейт сидела за столом напротив мисс Крамли. Они беседовали в кабинете директрисы, расположенном в северном крыле «Приюта для безнадёжных и закоренелых сирот имени Эдгара Алана По». Несколько веков назад в этом здании располагался городской арсенал, а теперь зимой здесь разгуливал ветер, задувал во все щели, громыхал оконными рамами и замораживал воду в уборных. Кабинет мисс Крамли был единственной отапливаемой комнатой во всем доме, поэтому Кейт всей душой надеялась, что разговор им предстоит долгий.

– Я не шучу, юная леди. – Мисс Крамли, невысокая тучная женщина с начесом сиреневых волос на макушке, развернула конфету, которую взяла из стоявшей на столе вазы. Приютским детям брать конфеты было строго-настрого запрещено. Когда дети П впервые приехали сюда и мисс Крамли оглашала им список, что можно, а что нельзя (в основном состоявший из одних нельзя), Майкл беспечно сунул в рот мятный леденец. За это ему пришлось целую неделю принимать холодный душ. «Она же не сказала, что их нельзя брать! – жаловался Майкл сестрам. – Откуда мне было знать?»

Мисс Крамли сунула конфетку в рот.

– После этого я умываю руки. Если ты и твои брат с сестрой не сумеете показать себя с самой лучшей стороны, чтобы эта леди захотела вас усыновить, что ж... – Она принялась причмокивать леденцом, подыскивая подходящую угрозу. – Что ж, тогда я просто снимаю с себя ответственность за все последствия.

– Кто она? – спросила Кейт.

– Кто она?! – повторила мисс Крамли, изумленно выкатывая глаза.

– Я хотела спросить, какая она?

– Кто она? Какая она? – Мисс Крамли яростно зачмокала, охваченная праведным гневом. – Эта женщина... – Она замолчала. Кейт ждала. Но продолжения не последовало. Лицо мисс Крамли налилось свекольной краснотой. Она издала сдавленный хрип.

Долю секунды – нет, все-таки, наверное, секунды три – Кейт молча наблюдала, как мисс Крамли задыхается. Потом она вскочила, обежала стол и с силой ударила директрису по спине.

Липкий зеленый комок вылетел изо рта мисс Крамли и шлепнулся на стол. Тяжело пыхтя, директриса повернула красное лицо к Кейт. Девочка по опыту знала, что на «спасибо» рассчитывать не приходится.

– Она... – просипела мисс Крамли. – ...женщина, которая хочет усыновить троих детей! Предпочтительно родственников. И это все, что вам следует знать! Кто она! Какая наглость! Иди разыщи брата с сестрой. Заставь их умыться и переодеться в чистое. Эта леди прибудет сюда через час. И если хоть кто-нибудь из них выкинет хоть что-нибудь, то помогай мне... –

Она подобрала мокрый леденец и сунула его обратно в рот. – Короче, я больше ни за что не отвечаю.

Чем ниже спускалась Кейт по узкой спиральной лестнице, ведущей из кабинета мисс Крамли, тем холоднее становился воздух, и она все плотнее запахивала свою тонкую кофту. Впервые увидев Кейт, взрослые всегда отмечали, какая она хорошенькая, какие у нее красивые темно-русые волосы и большие зеленые глаза. Но присмотревшись повнимательнее, они замечали сосредоточенную морщинку, поселившуюся у нее между бровей, обкусанные до мяса ногти, привычное напряжение во всем теле, и вместо того, чтобы сказать: «Ах, какая хорошенькая девочка!» – хмыкали и бормотали: «Бедное дитя!» Ибо при взгляде на Кейт, несмотря на все ее очарование, люди видели девочку, живущую в постоянном ожидании очередного жизненного удара.

Выйдя из двери флигеля, Кейт увидела группку детей, сгрудившихся вокруг жалкого голого деревца на краю двора. Невысокая тонконогая девочка с короткими каштановыми волосами кидалась камнями в мальчика, сидевшего на ветке, вопя, чтобы он немедленно спустился и принял бой.

Кейт протиснулась сквозь толпу хохочущих и дразнящихся детей как раз в тот момент, когда Эмма наклонилась за очередным камнем.

– Что ты делаешь?

Эмма обернулась. На щеках ее горели красные пятна, темные глаза метали молнии.

– Он порвал мою книгу! Я просто сидела и читала, а он схватил мою книгу и порвал ее! Честное слово, я вообще ничего не делала! А теперь он не хочет слезать и драться.

– А вот и неправда! – прокричал мальчик с дерева. – Она просто психованная!

– Заткнись! – завопила Эмма, запустив в него камнем. Мальчик увернулся, и камень отлетел от дерева.

Эмма была маленькой для своих одиннадцати лет. Сплошные коленки и локти. Но все ребята в приюте боялись ее и уважали за неукротимый характер. Все знали, что если разозлить Эмму или загнать ее в угол, она будет сражаться как бешеная. Лягаться, царапаться и кусаться. Кейт иногда спрашивала себя, была бы ее сестра такой же неистовой, если бы их не разлучили с родителями. Эмма, единственная из них троих, совсем не помнила отца с матерью. Даже у Майкла сохранились смутные воспоминания о том, что его когда-то любили и о нем заботились. Но Эмма знала только жизнь, в которой было одно-единственное правило: как только ты перестанешь драться, тебя прикончат. К несчастью, в каждом приюте всегда находилось несколько старших мальчишек, которые лезли из кожи вон, чтобы разозлить Эмму и помочь ей довести себя до иступления. Их излюбленной мишенью, как можно догадаться, были дети со странной однобуквенной фамилией П. Поскольку Кейт была старшей, ей было уже четырнадцать, то успокаивать сестру было в основном ее обязанностью.

– Нам с тобой нужно разыскать Майкла, – сказала она Эмме. – Какая-то женщина хочет нас увидеть.

Дети мгновенно смолкли. В «Приюте безнадежных и закоренелых сирот имени Эдгара Алана По» потенциальных родителей не видели месяцами.

– Мне плевать, – отозвалась Эмма. – Я никуда не пойду.

– Да только чокнутая захочет тебя взять! – крикнул мальчик с дерева.

Эмма тут же метнула в него камнем. На этот раз ее обидчик не успел увернуться, и снаряд угодил ему в локоть.

– Ой!!

– Эмма, – Кейт взяла сестру за руку, – мисс Крамли говорит, что это наш последний шанс.

Эмма вырвала у нее свою руку. Потом нагнулась и подобрала с земли еще один камень. Однако было очевидно, что азарт битвы уже прошел, поэтому Кейт терпеливо подождала, пока Эмме наскучит перекидывать камень из руки в руку и она без злобы швырнет его в дерево.

– Ладно.

– Ты знаешь, где Майкл?

Эмма кивнула. Кейт снова взяла ее за руку, и дети расступились, давая им дорогу.

Девочки нашли Майкла в роще за приютом, где их брат исследовал пещеру, обнаруженную им на прошлой неделе. Разумеется, при этом он воображал, будто находится у входа в старый туннель гномов. Майкл чуть ли не с рождения бредил легендами о различных магических созданиях. О волшебниках, сражающихся с драконами. О королях, побеждавших охочих до девиц гоблинов. О хитрых батраках, обводивших вокруг пальца троллей. Он прочел о них все, что только можно было. Но больше всего Майкл любил истории о гномах.

– У гномов долгая и славная история. И еще они очень трудолюбивые. Да, они редко причесываются и не любят крутиться перед зеркалом, как эльфы. Зато гномы работают!

Майкл был очень невысокого мнения об эльфах.

Источником его страсти к сказочным существам послужила книжка под названием «Гномий Изборник» авторства некоего Дж. Дж. Гринлифа. Проснувшись в первое утро своей новой жизни – без родителей, в незнакомой комнате, Кейт нашла эту книгу под одеялом у Майкла. Она тут же узнала в ней рождественский подарок, который мама вручила отцу в сочельник. За прошедшие годы Майкл десятки раз прочел книгу от корки до корки. Кейт понимала, что таким образом ее брат пытается сохранить связь с отцом, которого почти не помнил. Вот почему она не жалела терпения, убеждая Эмму с пониманием относиться к непрошенным лекциям Майкла. Хотя это ей не всегда удавалось.

В пещере было сыро и сильно пахло мхом, однако высокий свод позволял девочкам идти выпрямившись в полный рост. Майкла они нашли в нескольких десятках шагов от входа, он стоял на коленях и светил карманным фонариком. Майкл был тощий, как скелет, темноволосяй и темноглазый, как его младшая сестра, только его глаза скрывались за парой очков в проволочной оправе. Люди часто принимали Майкла и Эмму за близнецов, что невероятно раздражало мальчика. «Я на год старше! – обычно говорил он. – По-моему, это очевидно с первого взгляда!»

Полыхнула вспышка, затем послышалось жужжание, и старенький «Полароид» Майкла выплюнул карточку. Майкл откопал эту камеру несколько недель тому назад в лавочке старьевщика в пригороде Балтимора, где также отыскалась дюжина кассет, которые ему всеми правдами и неправдами удалось выклянчить у хозяина, и с тех пор мальчик постоянно использовал фотоаппарат в своих исследовательских играх, без устали напоминая Кейт и Эмме об исключительной важности скрупулезного документирования сделанных открытий.

– Глядите! – Майкл показал сестрам на камень, который только что снял. – Как вы думаете, что это такое?

– Камень, – пробурчала Эмма.

– И что же это? – спросила Кейт, которой не терпелось покончить с этим разговором.

– Лезвие гномьего топора, – объявил Майкл. – Очевидно, подвергшееся разрушительному воздействию воды. Здесь неблагоприятные условия для сохранности.

– Как забавно, – заметила Эмма. – А с виду – камень камнем!

– Все, хватит, – сказала Кейт, заметив, что Майкл сейчас расстроится. Она быстро сказала брату о том, что какая-то женщина хочет на них посмотреть.

– Идите сами, – ответил Майкл. – У меня тут полно работы.

Почти все сироты хотят, чтобы их усыновили. Они мечтают о богатой и доброй семье, которая заберет их с собой в новую жизнь, полную любви и благоденствия. Но Кейт и ее брат с сестрой ни о чем таком не мечтали. Более того, они упрямо отказывались признавать себя сиротами.

– Наши родители живы, – говорила Кейт, или Эмма, или Майкл. – И когда-нибудь они вернутся за нами.

Разумеется, эту уверенность ничто не поддерживало. Ровно десять лет назад, снежной ночью в канун Рождества, дети были оставлены в приюте Девы Марии на берегу реки Чарльз, и с тех пор от их родителей или других родственников не было ни слуху ни духу. Они даже не знали, что означает буква П, заменившая им фамилию. Тем не менее все трое продолжали твердо верить в то, что их родители однажды вернутся. И все благодаря тому, что Кейт неустанно напоминала Майклу и Эмме об обещании, данном мамой в последнюю ночь перед расставанием – мама сказала, что они снова будут вместе, одной семьей. А раз так, то сама мысль об усыновлении чужими людьми была для них абсолютно неприемлемой. К сожалению, на этот раз приходилось руководствоваться другими соображениями.

– Мисс Крамли говорит, что это наш последний шанс.

Майкл вздохнул и выронил из руки свой камень. Потом подобрал с земли фонарик и молча побрел к выходу вместе с сестрами.

За последние десять лет дети сменили не менее двенадцати самых разных приютов. Самый краткий срок их пребывания составил две недели. Дольше всего они прожили в своем первом сиротском доме, в приюте Девы Марии. Почти три года. Но потом приют Девы Марии сгорел дотла вместе со своей настоятельницей, доброй женщиной по имени сестра Агата, которая относилась к детям с особой заботой, однако обладала пагубной привычкой курить в постели. Отъезд из приюта Девы Марии стал началом их долгих скитаний из одного сиротского заведения в другое. Не успевали они обосноваться в одном месте, как их уже отправляли в новое. Наконец дети перестали рассчитывать на то, что задержатся где-нибудь дольше, чем на несколько месяцев, и оставили попытки завести друзей. Они научились рассчитывать только на себя.

Причина их постоянных перемещений заключалась в том, что с точки зрения усыновления дети П считались «бесперспективными». Чтобы принять в семью одного из них, нужно было забирать всех троих. Но люди, желающие одним махом усыновить сразу троих детей, встречаются крайне редко, а всевозможные мисс Крамли, в свою очередь, не отличаются долготерпением.

Кейт понимала, что если они не понравятся прибывающей леди, то мисс Крамли непременно воспользуется этим поводом, чтобы заявить: она-де лезла из кожи вон, но дети оказались абсолютно безнадежны, поэтому их следует немедленно перевести в другой приют. Единственная надежда была на то, что если они будут вести себя паиньками, то даже в случае неудачи мисс Крамли будет не так-то просто сбросить их с рук. И дело было вовсе не в том, что детям как-то особенно полюбился этот приют. Вода здесь была ржавая. Постели жесткие. Еда такая, что если съешь слишком много, то разболится желудок, но если съешь слишком мало, то живот все равно будет болеть – уже от голода. Нет, главная проблема заключалась в том, что на протяжении всех этих лет каждый новый сиротский дом был хуже предыдущего. Честно говоря, когда полгода тому назад они прибыли в «Приют для безнадежных и закоренелых сирот имени Эдгара Алана По», Кейт решила, что на этот раз они точно достигли дна. Но теперь она спрашивала себя: что, если на свете есть место еще хуже?

И ей совсем не хотелось в этом убедиться.

Через полтора часа, умытые и переодетые в лучшую одежду (которая, честно говоря, оставляла желать много лучшего), дети постучались в дверь кабинета мисс Крамли.

– Войдите.

Кейт вошла, держа за руку Эмму. Майкл шел следом за сестрами. Перед этим Кейт проинструктировала брата с сестрой: «Просто улыбайтесь и говорите поменьше. Кто знает? Может быть, она замечательная. Тогда мы сможем пожить у нее, пока папа с мамой не вернутся».

Но стоило Кейт увидеть огромную женщину в пальто, состоявшем из одних белых перьев, с сумочкой в виде лебедя и в шляпке, над которой угрожающе раскачивалась лебединая голова

на изогнутой вопросительным знаком шее, как ей сразу стало ясно, что этим надеждам не суждено сбыться.

– Значит, это и есть наши подкидыши? – прогремела миссис Лавсток, делая шаг вперед и угрожающе нависая над детьми. – Вы сказали, их фамилия П?

– Да, миссис Лавсток, – залебезила мисс Крамли. Она едва доставала исполинской гостье до пояса. – Эти трое у нас самые лучшие. Ах, я их просто обожаю! Мне будет очень больно с ними расстаться, но я скреплю свое сердце. Ведь я буду знать, что мои крошки попадут в такой замечательный дом!

– Хмф.

Миссис Лавсток наклонилась, чтобы получше рассмотреть детей, и голова лебедя тоже с любопытством подалась вперед.

Скосив глаза, Кейт увидела, что ее брат с сестрой ошарашенно разглядывают птицу.

– Я желаю сразу же предупредить вас, – объявила миссис Лавсток. – Я не потерплю от детей никакого беспорядка! Чтобы никакой мне беготни-прыготни, криков-визгов, громкого смеха, грязных рук и ног, грубостей и шалостей... – Каждый раз, когда миссис Лавсток называла нечто такое, чего не намерена терпеть, лебединая голова одобрительно кивала. – Также я не намерена мириться с пустой болтовней, трескотней, хиханьками, хаханьками и полными карманами. Терпеть не могу детей с набитыми карманами!

– Ах, уверяю вас, миссис Лавсток, у этих деток никогда и крошки в карманах не бывает! – заверила мисс Крамли. – Ни крошечки!

– Кроме того, я ожидаю...

– Что это у вас на голове? – перебила Эмма.

– Прошу прощения? – опешила дама.

– Вот эта штука у вас на голове. Что это такое?

– Эмма... – предупредила Кейт.

– Я знаю, что это, – вмешался Майкл.

– Не знаешь.

– А вот и знаю.

– И что же это? – спросила Эмма.

Миссис Лавсток обратила вопрошающий взор на директрису приюта.

– Мисс Крамли, это что здесь такое творится?

– Ничего, миссис Лавсток, абсолютно ничего! Уверяю вас...

– Это змея, – объявил Майкл.

У миссис Лавсток сделался такой вид, словно ей неожиданно отвесили пощечину.

– Это не змея, – возразила Эмма.

– Змея, – отрезал Майкл, не сводя глаз с шляпы. – Кобра.

– Но она же белая!

– Наверное, она ее выкрасила! – Майкл посмотрел на миссис Лавсток. – Я угадал? Вы ее покрасили?

– Майкл! Эмма! – прошипела Кейт. – Замолчите!

– Я просто спросил, она ее покрасила или...

– Ш-ш-ш!

Некоторое время, показавшееся всем вечностью, было слышно лишь шипение воды в батарее да нервное пощелкивание пальцев мисс Крамли, сплетавшей и расплетавшей руки.

– Никогда, за всю мою жизнь... – наконец начала миссис Лавсток.

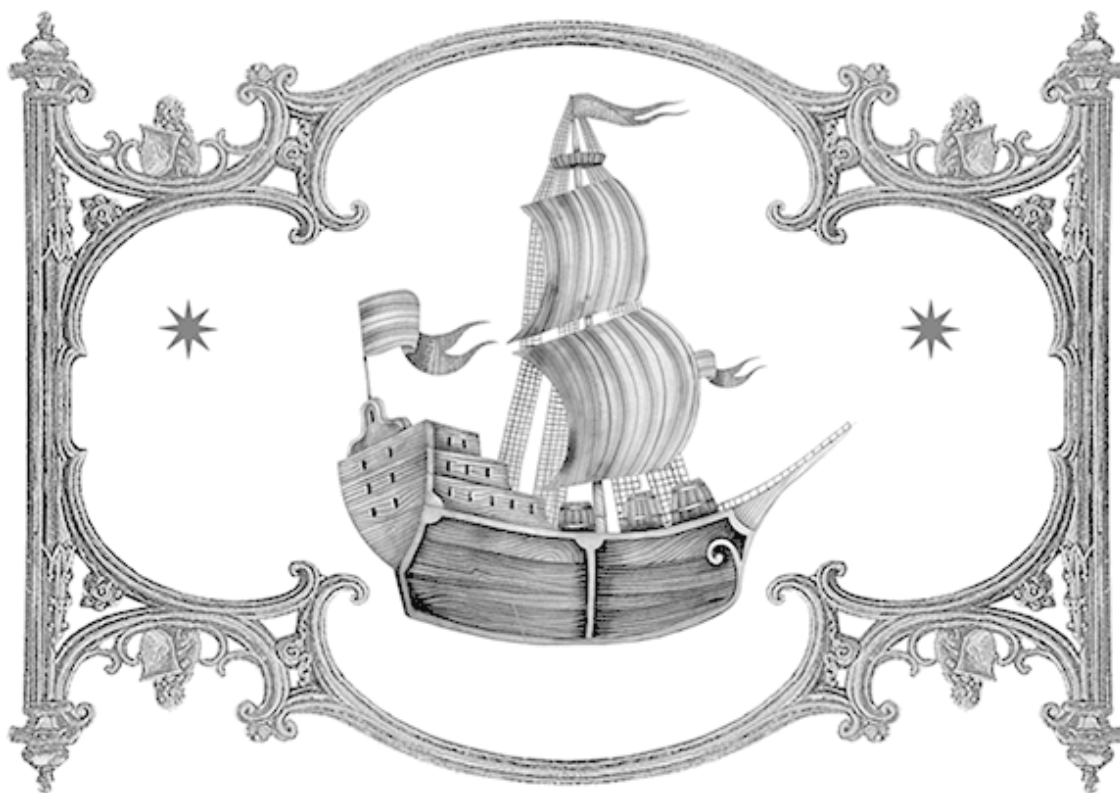
– Моя дорогая миссис Лавсток! – дернулась мисс Крамли.

Кейт понимала, что должна что-то сказать. Если у них еще осталась хотя бы слабая надежда на то, что их не выставят отсюда, то нужно было немедленно постараться все загладить. Но гостья не оставила ей такой возможности.

- Я понимаю, что не следует ожидать многого от сирот...
- Мы не сироты, – перебила Кейт.
- Прости?
- Сироты – это дети, у которых умерли родители, – пояснил Майкл. – А наши живы.
- Они вернутся за нами, – добавила Эмма.
- Не обращайтесь на них внимания, миссис Лавсток! Не обращайтесь внимания. Это обычная глупая сиротская болтовня. – Мисс Крамли схватила со стола вазу с леденцами. – Конфетку? Но миссис Лавсток даже не посмотрела на нее.
- Выслушайте меня, – сказала она, наклоняясь к детям. – Я очень понимающая женщина. Спросите кого хотите, вам каждый подтвердит. Единственное, чего я не терплю, так это фантазий. Здесь сиротский приют. Вы – сироты. Будь вы нужны своим родителям, они бы не бросили вас на улице, как ненужный мусор, не оставив вам даже нормального цивилизованного имени! П – скажите пожалуйста! Да вы должны быть благодарны, что такая женщина, как я, готова закрыть глаза на вашу возмутительную невоспитанность – не говоря уже о поистине чудовищном невежестве относительно самой прекрасной водоплавающей птицы в мире! – и взять вас в свой дом. Ну, что вы можете сказать в свое оправдание?
- Кейт видела, что мисс Крамли бросает на нее испепеляющие взгляды из-за пояса миссис Лавсток. Она знала, что если немедленно не извинится перед Лебединой леди, то мисс Крамли непременно сошлет их в такое место, по сравнению с которым «Приют для безнадежных и закоренелых сирот имени Эдгара Алана По» покажется шикарным курортом. Но какой у нее был выход? Отправиться жить к женщине, которая считает, будто родители выбросили их, как мусор, и никогда не собирались за ними возвращаться? Кейт крепко сжала руку Эммы.
- Знаете, – сказала она, – ваш лебедь действительно похож на змею.

Глава 2

Месть мисс Крамли

Поезд дернулся, разбудив Кейт. Она уснула возле окна, и у нее замерз лоб. После утренней остановки в Нью-Йорке поезд отправился дальше на север, через Гудзон, мимо Гайд-парка, Олбани и других мелких городков, лепившихся к краю воды, а теперь, выглянув в окно, Кейт увидела замерзшую по берегам реку и череду волнистых заснеженных холмов с разбросанными то тут, то там редкими фермерскими домами. Они выехали из Балтимора рано утром. Мисс Крамли лично отвезла их на станцию.

– Что ж, надеюсь, в новом доме вы будете вести себя лучше.

Дети стояли на платформе, каждый держал в руках сумку с одеждой и немногими личными вещами.

– Я сообщила директору вашего нового приюта, доктору Пиму – кажется, его зовут так, да-да, доктор Станислаус Пим! – что из вас могут вырасти настоящие разбойники и убийцы, и он заверил меня, что именно такие дети ему и нужны. Ха! Могу себе представить, что ждет вас троих!

Это происходило через две недели после злополучного визита миссис Лавсток. После ее отъезда мисс Крамли немедленно села обзванивать все известные ей сиротские дома в поисках места, куда можно было бы сбыть детей. Несколько дней назад Кейт проходила мимо ее кабинета и случайно услышала, как мисс Крамли умоляла по телефону:

– Я понимаю, что у вас приют для животных! Но уверяю вас, этим детям много не нужно!

Наконец ей перезвонили из приюта, в котором согласились принять детей.

– Куда мы едем? – спросила Кейт.

– В городишко под названием Кембриджский водопад. Кажется, это где-то на границе. Я никогда там не была.

– Там, наверное, будет хорошо?

– Хорошо? – Мисс Крамли захихикала, словно это была лучшая шутка, которую ей довелось услышать в жизни. – О нет, я бы так не сказала! Нет-нет, нисколько. Так, вот ваши билеты на поезд. Доедете до Уэстпорта. Выйдете и пойдете к причалу, прямо за главные доки. Там вас будет ждать лодка, она перевезет вас через озеро. Доктор Пим сказал, что кто-нибудь встретит вас на другом берегу. Все, идите. Я умываю руки.

Дети забрались в вагон, нашли свободное купе и уселись. Из окна им была видна мисс Крамли, наблюдавшая за ними с платформы.

– Вы только посмотрите на нее! – сказала Эмма. – Нарочно не уходит, хочет убедиться, что мы в самом деле уехали. Хотела бы я когда-нибудь с ней поквитаться! – Она сжала руки в кулаки.

– Никто не хочет конфетку?

Девочки изумленно вытаращили глаза. Майкл держал в руках пластиковый пакет, едва не лопавшийся от конфет. Поймав взгляды сестер, он пожал плечами.

– Я вчера вечером забрался к ней в кабинет.

Стоя на платформе, мисс Крамли с чувством глубокого удовлетворения проводила взглядом отходящий поезд. Но всю обратную дорогу в приют ее терзало воспоминание о том, как младшая хулиганка, Эмма, высунула язык, когда поезд тронулся. Мисс Крамли готова была поклясться, что девчонка сосала лакричный леденец. Но это было просто немыслимо. Откуда дитя могло взять конфету?

Во время остановки в Олбани Кейт выскочила из поезда и истратила свои жалкие сбережения на сэндвичи с сыром, которые они съели, пока поезд вез их все дальше на север и пейзаж за окном становился все более холмистым. Когда с обедом было покончено, Майкл и Эмма отправились осматривать поезд, а Кейт уселась поудобнее и закрыла глаза. Она уснула почти мгновенно.

Ей приснилось, будто она стоит перед большим каменным домом. Дом был огромный, темный и страшный, и Кейт ужасно не хотелось входить внутрь. Но потом она вдруг очутилась там и зачем-то пошла вниз по тускло освещенной лестнице. Дойдя до последней ступеньки, Кейт распахнула дверь и вошла в кабинет. На первый взгляд он был совершенно обычным – стол, кресла, камин, книжные шкафы. Но стоило ей отвернуться, как обстановка менялась. Стены отодвигались. Книги на полках перемешивались. Кресла менялись местами. А потом ее охватил жуткий, обморочный страх. Здесь притаилась опасность. Смертельная опасность для нее и ее брата с сестрой.

В этот момент поезд дернулся, и Кейт проснулась, прижимаясь головой к холодному оконному стеклу. В тот же миг она почувствовала, что ей нужно немедленно увидеть Майкла и Эмму, поэтому вскочила и бросилась на поиски.

Кейт, единственная из них троих, сохранила живую память об отце и матери, ибо воспоминания Майкла, которые он время от времени редактировал и приукрашивал, были не более чем смутными образами. Но Кейт ясно помнила красивую женщину с нежным голосом и высокого мужчину с каштановыми волосами. Она помнила дом, в котором они жили, свою спальню, Рождество... Она ясно видела, как папа сидит на ее кровати и читает ей какую-то сказку, вот только какую? На протяжении всех этих лет Кейт часами терзала свою память, пытаясь восстановить как можно больше фрагментов той прежней жизни, однако воспоминания предпочитали являться неожиданно и без предупреждения. Случайная фраза, запах или оттенок неба могли запустить какой-то загадочный механизм, и Кейт вдруг видела, как мама готовит обед, идет по улице под руку с папой – разрозненные картинки из того времени, когда они все были одной семьей. Но самое яркое воспоминание, которое всегда было с Кейт, относилось к той

ночи, когда родители отослали их прочь. Кейт до сих пор чувствовала, как мамины волосы щекочут ее щеку, мамины руки застегивают медальон у нее на шее, и слышала мамин голос, шепчущий, что она очень ее любит и просит пообещать позаботиться о брате и сестре.

И Кейт сдержала это обещание. Год за годом, приют за приютом, она заботилась о брате и сестре, чтобы, когда родители вернутся, она могла сказать им: «Видите? Я сдержала свое слово. Они целы и невредимы».

Кейт разыскала Майкла и Эмму в вагоне-ресторане, где они сидели за стойкой, уплетая пончики с горячим шоколадом, которыми угостила их добрая официантка.

– Я придумал кое-что новенькое, – объявил Майкл, улыбаясь Кейт клоунской белой улыбкой, оставленной сахарной пудрой от пончиков. – Пагуиллоу.

– Пагуиллоу, – повторила Кейт. – Это настоящая фамилия?

– Нет, – ответила Эмма. – Это он только что сам придумал.

– Ну и что? – спросил Майкл. – Чем не фамилия?

В последние десять лет одним из главных занятий детей было ломать голову над тем, что скрывается за единственной буквой их фамилии. Они перебрали тысячи возможностей: Петерс, Паулсон, Пейзаж, Пикетт, Пуппс, Плутовски, Приступп, Плюшка, Платт, Пабст, Паккард, Падамадан, Пэддисон, Паес, Паганелли, Пейдж, Пингвин (бессрочный фаворит Эммы), Паскуале, Пулман, Першинг, Пит, Пикфорд, Пикуль и так далее и тому подобное. Они надеялись, что правильная фамилия пробудит память Кейт и она воскликнет: «Да, конечно! Это наше имя!» – после чего им останется только разыскать своих родителей. Но до сих пор этого не случилось.

Кейт покачала головой.

– Прости, Майкл.

– Да ладно. На самом деле это совсем не похоже на настоящую фамилию.

Когда официантка подошла подлить детям шоколада, Кейт попросила ее рассказать им что-нибудь о Кембриджском водопаде. Но добрая женщина покачала головой и сказала, что никогда не слышала о таком городе.

– Наверное, его не существует, – заявила Эмма, когда официантка отошла. – Спорим, мисс Крамли просто решила от нас избавиться? Она надеялась, что нас по пути ограбят или убьют или еще что-нибудь приключится.

– Вряд ли нас убьют всех троих сразу, – заметил Майкл, с шумом втягивая в себя горячий шоколад.

– Правильно, значит, убьют только тебя, – поддакнула Эмма.

– Нет, это тебя убьют!

– Нет, тебя...

– Нет, тебя...

Они развеселились, и Эмма сказала, что когда убийца поймет, какой Майкл бездарный и беспомощный, то убьет его просто из жалости, может быть, даже два раза, на что Майкл ответил, что убийцы уже выстроились в очередь, ожидая, когда Эмма сойдет с поезда, и даже устроили лотерею, разыгрывая право прикончить ее. Кейт не мешала им изощряться в остроумии.

На крышке медальона, который оставила ей мама, была выгравирована роза. У Кейт была дурная привычка, волнуясь, потирать металлическую коробочку между большим и указательным пальцем, поэтому за десять лет роза почти совсем стерлась. Кейт много раз пыталась избавиться от этой привычки, но все безуспешно; вот и теперь она принялась тереть свой медальон, думая о том, куда же все-таки заслала их мисс Крамли.

Уэстпорт оказался маленьким городком на берегу озера Шамплейн. Здесь вовсю готовились к Рождеству, поэтому все фонарные столбы были обвиты светящимися гирляндами, а над

улицами висели иллюминации. Дети без труда нашли и пирсы и пристань. Но вот разыскать человека, который хоть что-то слышал о Кембриджском водопаде, оказалось гораздо сложнее.

– Какой еще водопад? – рявкнул человек с сердитым лицом и глазами-щелочками, которому на вид можно было легко дать и пятьдесят лет, и сто десять.

– Кембриджский, – повторила Кейт. – Это на другом берегу озера.

– Только не этого озера. Будь там какой водопад, уж я-то знал бы. Всю жизнь по нему хожу, по озеру.

– Я же вам говорила, – проворчала Эмма. – Крапивная Крамни просто решила от нас избавиться.

– Идем, – твердо сказала Кейт. – Нас должна ждать лодка.

– Угу. Лодка в никуда.

Длинный и узкий пирс с выщербленным и полусгнившим дощатым настилом вел мимо широкой полосы льда прямо к открытой воде; дойдя до самого конца, дети остановились, плотно запахнули куртки и тесно прижались друг к другу, как три пингвина, пытаясь защититься от пронизывающего ветра, задувавшего с озера.

Кейт то и дело поглядывала на солнце. Они ехали целый день, вскоре должно было стемнеть и стать еще холоднее. Несмотря на уверенность Эммы в том, что мисс Крамли отослала их к черту на куличики, и невзирая на то, что никто из местных жителей, похоже, и слухом не слыхивал ни про какой Кембриджский водопад, Кейт продолжала надеяться на лучшее. Она знала, что злобность мисс Крамли ограничивалась щипанием, дерганьем за волосы и постоянными напоминаниями о никчемности всех окружающих. Но отделаться от троих детей, просто вышвырнув их в никуда посреди зимы, – нет, это уже выходило за рамки ее мелочной жестокости. По крайней мере, Кейт старательно убеждала себя в этом.

– Смотрите, – сказал Майкл.

Густая стена тумана двигалась по поверхности озера.

– Что-то очень быстро.

Майкл еще не успел договорить, как туман накрыл их. Они сидели на своих чемоданах, но теперь вскочили, вглядываясь в серую мглу. Бисеринки влаги выступили на их куртках. Вокруг все было тихо и неподвижно.

– Странно, – сказала Эмма.

– Ш-ш-ш-ш, – шикнул Майкл.

– Не шикай на меня! Ты...

– Да послушай ты!

Послышался рокот мотора.

Из тумана вынырнула лодка и направилась прямо к детям. Когда она приблизилась, тот, кто ею управлял, сдал назад, а потом заглушил мотор, так что суденышко бесшумно закачалась у пирса. Это оказалась небольшая широкая моторка, покрашенная давно облезшей и облупившейся черной краской. На борту был всего один человек. Он ловко забросил трос на швартовочную тумбу.

– Вы трое в Кембриджский водопад?

У мужчины была густая черная борода, а глаза сидели так глубоко, что их почти не было видно.

– Я спрашиваю, вы трое в Кембриджский водопад?

– Да, – ответила Кейт. – То есть... ну да.

– Тогда давайте на борт. Времени мало.

Впоследствии дети так и не смогли прийти к единому мнению насчет того, сколько длилось плавание. Майкл говорил: полчаса, Эмма уверяла, что не больше пяти минут, а Кейт казалось, что прошло никак не меньше часа. Похоже, густой туман обманул не только их зрение, но и чувство времени. Они знали наверняка только одно: в какой-то момент из тумана вдруг

проступила темная полоса берега, а когда они подошли ближе, то увидели перед собой пристань и фигуру человека, поджидавшего их.

Лодочник, не говоря ни слова, швырнул веревку мужчине, стоявшему на причале. Теперь Кейт видела, что это был пожилой человек с очень опрятной белой бородой, в старомодном, но чрезвычайно опрятном коричневом костюме и с исключительно опрятными маленькими ручками; ей показалось даже, будто лысый череп старичка нарочно сбросил все волосы, чтобы усилить впечатление опрятности. Встречающий не стал тратить время на приветствия. Подхватив чемоданы Майкла и Эммы, он сказал:

– Так, теперь сюда, – и ловко захромал по причалу.

Майкл и Эмма первыми выбрались из лодки, и Кейт уже собралась последовать за ними, как вдруг кто-то положил руку ей на плечо. Это был лодочник.

– Будь осторожна. И приглядывай за братом с сестрой.

Прежде чем Кейт успела спросить, что он имел в виду, лодочник отвязал свою лодку и оттолкнулся веслом от причала, так что Кейт едва успела выскочить.

– Скорее! – донесся голос из тумана.

– Иди сюда! – крикнула Эмма. – Ты только взгляни!

Кейт не тронулась с места. Она стояла и смотрела, как лодка тает в сплошной серой мгле, и боролась с желанием окликнуть лодочника, схватить брата с сестрой, вернуться в Балтимор и объявить мисс Крамли, что они готовы жить с Лебединой леди.

И тут ее схватили за руку.

– Нужно торопиться, – сказал старик. – У нас мало времени.

Подхватив ее чемодан, старичок потащил Кейт по причалу туда, где стояла запряженная лошадью повозка, в которой уже сидели улыбавшиеся до ушей Майкл и Эмма.

– Гляди! – показала Эмма. – Лошадка.

Старик помог Кейт сесть рядом с братом и сестрой, потом проворно вскочил на место возницы, схватил вожжи и с резким рывком, заставившим детей ухватиться за борта повозки, тронулся с места. Дорога почти сразу же резко пошла вверх, и чем выше они поднимались сквозь редящий туман, тем свежее и холоднее становился воздух.

Они не проехали и нескольких минут, как Майкл вдруг изумленно вскрикнул.

Кейт обернулась, и не будь рядом с ней Майкла и Эммы, она решила бы, что ей это придалось. Потому что прямо перед ними вздымались отвесные пики огромной горной гряды. Но как такое может быть? Из Уэстпорта они видели только плавную череду холмов вдаль, но сейчас у них перед носом были самые настоящие горы – высокие, зубчатые и грозные.

Кейт подалась вперед, что оказалось довольно трудно, учитывая наклон повозки и то, как она подсакивала на разъезженной дороге.

– Сэр...

– Меня зовут Абрахам, мисс. Нет нужды величать меня сэром.

– Но...

– Хотите спросить, почему не видели гор из Уэстпорта?

– Да, сэ... Абрахам.

– По вечерам свет с озера шутки шутит. Обманывает зрение. А теперь садьте-ка на место, мисс. Нам ехать еще около часа, и придется поторопиться, чтобы успеть до наступления ночи.

– А что бывает с наступлением ночи? – спросил Майкл.

– Волки.

– Волки?

– Ночь наступает. Волки выходят. Сядьте-ка.

– Ненавижу мисс Крамли, – процедила Эмма.

Чем выше они поднимались, тем более пустынным и безотрадным становился пейзаж. В отличие от пригородов Уэстпорта, здесь почти не было деревьев. Куда ни посмотри, всюду тянулась скалистая, унылая и пустынная земля.

Наконец, когда солнце опустилось за горы, красные полосы заката прочертили небо, а Кейт стали в каждой тени мерещиться волки, дорога запетляла по впадине между двумя горами, старик крикнул: «Кембриджский водопад, прямо по курсу!» – и впереди перед ними вдруг развернулась неровная покатая долина, пересеченная посередине рекой, похожей на поток, сбегавший со склона горы. Сам городок примостился на берегу реки, и вскоре путники поехали по дороге мимо домов и магазинов. Еще больше домов, разделенных кривыми и осыпающимися стенами, виднелось по склонам. Но при этом большинство окон в домах были темными, дым поднимался всего из десятка труб, а несколько человек, мимо которых они проехали, торопливо шагали куда-то, низко опустив головы.

– Что это за место такое? – пробормотала Эмма.

Абрахам резко хлестнул вожжами, пуская лошадь рысью. Дорога и городок заканчивались у широкой серо-зеленой реки, и здесь старик повернул повозку вдоль берега, следуя за свежими следами колес, темневшими на белом снегу.

– Где наш приют? – спросил Майкл.

– Через реку.

– А доктор Пим какой?

Абрахам помедлил с ответом. Потом сказал:

– Другой.

– Другой, чем кто?

– Просто другой. Да он все равно почти не у дел. Всем заправляем мы с мисс Саллоу.

– Сколько детей тут живут? – поинтересовалась Эмма.

– Считаю вас троих?

– Ага.

– Трое.

– Трое? Что же это за приют такой, для трех детей?

Это был серьезный вопрос, заслуживающий обстоятельного ответа, но в этот момент они как раз проезжали вдоль края ущелья на высоте нескольких сот футов над рекой – здесь следует сказать, что после того, как городок остался позади, берега постепенно становились все выше и круче, и не успела Эмма договорить, как повозку занесло на обледеневшей дороге, отбросив к самому краю расселины.

– Нам обязательно гнать так быстро? – спросила Кейт, когда они все трое крепко вцепились в края повозки.

– Поглядите вверх, – ответил Абрахам.

Краснота догорела в небе, оставив после себя синеватую черноту, цвета застарелого кровоподтека. Вот-вот должна была наступить ночь.

Старик свернул на узкий мост. Когда лошадиные копыта застучали по обледеневшим камням, дети устали на реку, воды которой обрушивались с высоты в ущелье. Переехав через мост, Абрахам направил лошадь на подъездную аллею.

– Почти приехали!

Жуткое предчувствие охватило Кейт. В этом месте было что-то нехорошее. Нечто худшее, чем отсутствие людей, деревьев и жизни.

– Это он? – воскликнула Эмма.

Они обогнули холм, и перед ними вырос самый огромный дом, который дети когда-либо видели в жизни. Он был сложен из черного камня, весь кривой и кособокий, с неровной крышей, оцетинившейся дымоходами. Башни по углам, высокие темные окна. Во всем здании

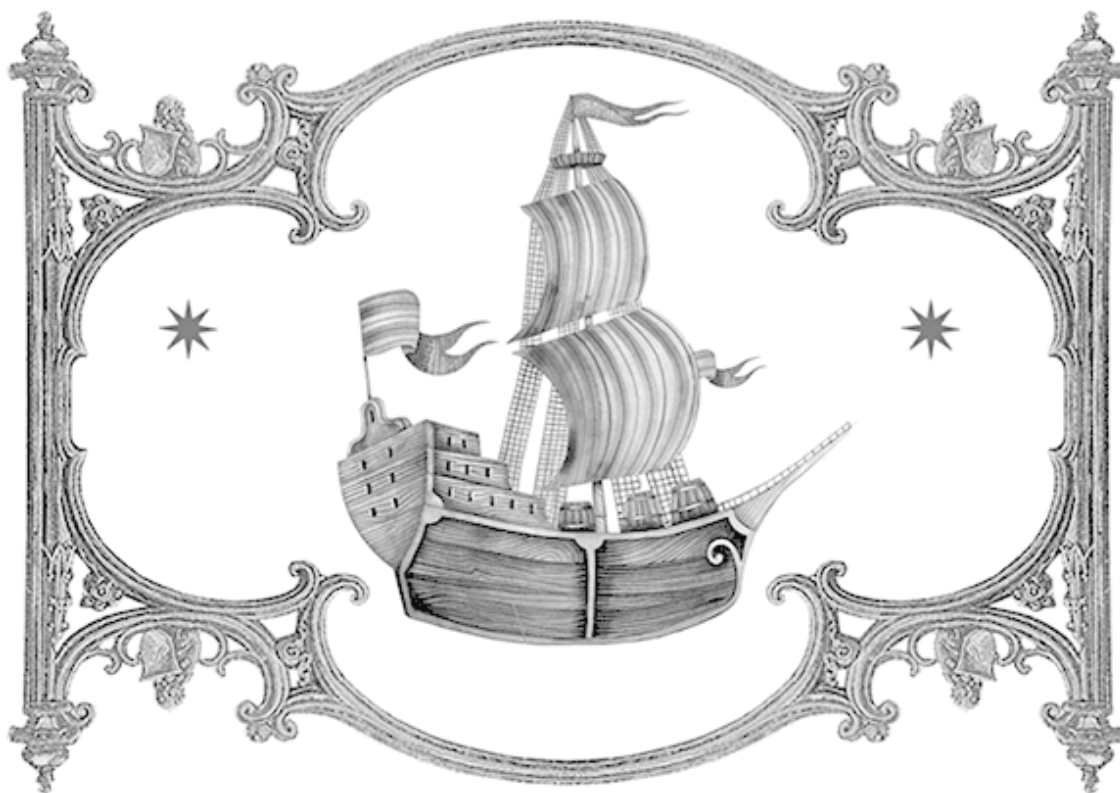
светилось всего несколько окошек на нижнем этаже. Кейт подумала про себя, что этот дом похож на огромного черного зверя, притаившегося на склоне горы.

Абрахам снова щелкнул вожжами и громко крикнул.

И тут они услышали одинокий волчий вой. В следующий миг его подхватила вся стая. Но вой слышался вдалеке, а повозка уже подъезжала к дому – тому самому дому, который Кейт видела во сне.

Глава 3

Король и королевы французские

– Все еще почиваем, значит? Их величества король и королевы французские наслаждаются сном красоты, вот как? Нежатся в постельках, пока другие спину гнут! Так, значит, у вас принято в веселом-то Париже?

Кейт открыла глаза. Мисс Саллоу, старая кособокая экономка и кухарка, с шумом раздвигала шторы, впуская в комнату утренний свет. Эмма негромко застонала. Майкл натянул на голову одеяло.

Им отвели спальню на четвертом этаже. Из окна был виден городок Кембриджский водопад, лежавший за рекой. Проходя к двери, старуха сорвала с Майкла одеяло.

– Завтрак будет через пять минут, ваши величества.

С прошлой ночи, когда они прибыли в приют, мисс Саллоу успела уже раз двадцать обвинить детей в том, что они ведут себя как «король и королевы французские». Что заставило ее заподозрить, будто они считают себя птицами столь высокого полета, осталось загадкой. Не успели дети переступить порог, как мисс Саллоу набросилась на них с упреками, браня за опоздание:

– Я смотрю, вы не спешили сюда добраться? Ну, конечно! Наверное, юные леди и джентльмен ожидали карету, запряженную четверкой резвых жеребцов? Требовали шоколадок да пирожных, чтобы угощаться в дороге?

Экономка была одета в старый красный свитер с дырами на локтях и мужские галоши без носков. Ее седые волосы скрывались под вязаной шапкой. Не дав детям рта раскрыть, старуха подхватила чемоданы Кейт и Эммы.

– Я приготовила ужин. Вряд ли он угодит изысканным вкусам короля и королев французских, но другого не будет. Можете отрубить мне голову, коли не понравится, я не возражаю. Сюда, ваши величества.

Они ужинали за деревянным столом на кухне. Мисс Саллоу сновала туда-сюда, гремела кастрюлями и сковородками и без устали обличала многочисленные пороки, которые, по ее мнению, роднили детей с французской королевской семьей.

Но несмотря на все это, она подала им такой ужин, которого дети не видели долгие годы. Жареный цыпленок, картофель, немного зеленой фасоли и теплый рисовый пудинг. Если платой за такое угощение было присвоение титула короля и королев французских, Кейт, Майкл и Эмма нисколько не возражали.

Когда они насытились до отвала, мисс Саллоу завопила: «Абрахам!» – и через несколько мгновений старик приковылял на кухню.

– Значит, они уже поужинали, – сказал он, поглядев на чистые тарелки и сытые, осоловевшие лица троих детей.

– Ох ты, какой же ты у нас зоркий, Абрахам! – огрызнулась старуха. – Ничего не упустишь, верно?

– Да я внимание обратил, мисс Саллоу.

– Слава небесам за такую милость, а то страшно подумать, как бы мы, несчастные, обходились без твоей наблюдательности! А теперь ты, может быть, согласишься проводить их королевские величества в отведенные им покои, или же тебя распирает от новых глубокомысленных наблюдений, которыми ты жаждешь с нами поделиться?

– Идем, молодые люди, – вздохнул Абрахам.

Он повел их по четырем разным лестницам и по темным извилистым коридорам. Свет газовой лампы колыхался в такт его хромающей походке. Эмма висела на руке у Кейт, а полусонный Майкл на ходу врезался в два стола, одну лампу и чучело медведя. Приведя детей в спальню, Абрахам первым делом разжег в камине жаркий огонь, которого должно было хватить на всю ночь.

– А теперь слушайте меня внимательно, – предупредил он. – Не вздумайте гулять по этим коридорам ночью. Они тут такие запутанные, что в два счета заведут вас туда, где вы и носа собственного не найдете, и придется вам звать на помощь мисс Саллоу, а уж когда она придет, то вы горько пожалеете о том, что не потерялись.

Он пошел было к двери, но вдруг остановился и вернулся обратно.

– Чуть не забыл. Я принес вам вот что.

Абрахам вытащил из кармана старый черно-белый снимок и протянул его Кейт. На фотографии было изображено широкое озеро и утыканные дымоходами крыши, выглядывавшие из-за видневшихся вдали деревьев. Кейт передала карточку Майклу, который, не открывая глаз, сунул ее в свою тетрадку.

– Я сделал этот снимок пятнадцать лет тому назад. Помните ущелье, через которое мы ехали? Там раньше была плотина, она перекрывала реку, так что между нашим домом и деревней лежало большое озеро.

– Плотина? – зевнул Майкл. – А зачем в деревне плотина?

– Скука, – пробурчала Эмма, отходя к окну.

Но Абрахам, нисколько не задетый их безразличием, продолжал:

– Ну, как зачем, для того, чтобы построить канал в нижнюю долину. Кембриджский водопад раньше-то жил горным делом, эту, значит, руду добывали из гор. Теперь-то это в прошлом, но прежде здешние места были совсем другими – приличное место было, ничего не скажешь. У мужчин была работа. Люди были приветливые. По склонам сплошь росли деревья. Ребятишки... – Он вдруг резко замолчал.

– Что ребятишки? – переспросила Кейт.

Внезапно, несмотря на усталость, она вспомнила, что, проехав через всю деревню, они не увидели ни одного ребенка.

Абрахам только рукой махнул, словно отгоняя ее вопрос.

– Да так, ничего. Поздно уже, мои старые мозги совсем заплелись, все перепуталось. Короче, я дал вам эту фотографию просто, чтобы вы знали: это место не всегда было таким унылым и выморочным, как сейчас. А теперь доброй вам ночи, да смотрите, не бродите по дому!

С этими словами он ушел, закрыв за собой дверь прежде, чем Кейт успела его остановить. Когда они остались одни, Майкл и Эмма немедленно уснули, но Кейт еще долго лежала без сна, глядя на отсветы огня, плясавшие по потолку, и думая о том, какую тайну скрыл от них Абрахам. Страх, который она испытала, едва увидев этот дом, теперь холодным металлом обжигал ее сердце.

Но постепенно долгое путешествие, сытная еда и тепло очага одолели ее, и Кейт забылась беспокойным сном.

Дети заблудились, пытаясь отыскать кухню. Бесцельно скитаясь по коридорам, они забрели в какую-то комнату на втором этаже, которая, судя по всему, когда-то была либо картинной галереей, либо теннисным кортом. Все трое здорово проголодались и обозлились.

– А вот у гномов отлично развито чувство направления, – сообщил Майкл. – Они не могут заблудиться.

– Жаль, что ты не гном, – буркнула Эмма.

На этот раз Майкл был с ней полностью согласен.

– Никто не чувствует запах бекона? – спросила Кейт.

Двигаясь на запах, они через десять минут ввалились в кухню, где мисс Саллоу не замедлила объявить, что хотя она чрезвычайно польщена тем, что император и императрицы (за ночь дети каким-то образом получили повышение) сооблаговолили оказать ей честь своим визитом, однако если они опоздают в следующий раз, то она отдаст их еду собакам.

– Мы должны научиться ориентироваться в доме, – объявил Майкл, вгрызаясь в толстую стопку блинчиков. Кейт и Эмма не возражали, так что после завтрака они все вернулись в свою комнату, где Майкл, порывшись в сумке, вытащил два карманных фонарика, фотоаппарат, бумагу и карандаши для составления карт, перочинный ножик, компас и клей. – Так, думаю, всем понятно, что я возглавляю экспедицию.

– Как бы не так! Кейт будет главной. Она самая старшая.

– Но у меня более солидный опыт исследований!

– Если под этим понимать копание в грязи с восклицаниями «Ой, вы только посмотрите на этот камень! Давайте вообразим, что он когда-то принадлежал гномику! Я влюбился в него с первого взгляда!» – то да.

Кейт сказала, что она готова подчиняться Майклу, а Майкл сказал, что Эмма может нести компас, чего та и добивалась.

В течение следующих часов они открыли музыкальную комнату со старинным расстроенным фортепиано. И бальный зал с валявшимися на полу и оплетенными паутиной канделябрами. Пустой крытый бассейн. Двухэтажную библиотеку с передвижной стремянкой, которая рухнула, когда Эмма попробовала прокатиться на ней. Игровую комнату с бильярдным столом, в сетках которого обосновались мышинные семейства, и спальни, спальни, спальни.

Майкл скрупулезно заносил каждый обнаруженный объект в список в тетради.

К обеду они вовремя явились на кухню, где мисс Сэллоу накормила их сэндвичами с индейкой и манговым чатни, добавив – очевидно, в награду за пунктуальность, – вдоволь жареной картошки. После обеда дети решили посмотреть на водопад, давший название городку. Сказано – сделано, и вот, сытые и довольные, они вышли из дома, перешли через узкий мост и отправились по снегу вдоль края ущелья. Вскоре впереди послышался ровный гул, а когда

дети преодолели небольшой пригорок, земля под их ногами вдруг резко оборвалась, закончившись отвесной скалой. Они стояли на краю широкой заводи. Вдалеке виднелось сероголубое пространство озера Шамплейн с темным узлом Уэстпорта, цеплявшегося за его берег. А здесь, прямо под ногами у детей, река вырывалась из ущелья и с высоты нескольких сот футов обрушивалась вниз по склону горы. Это было что-то ошеломляющее – стоять среди грохочущей воды, холодными брызгами обдававшей их лица.

Эмма ухватила Майкла за куртку, когда тот наклонился вперед, чтобы сфотографировать поток.

Очень долго дети лежали, растянувшись на животах в снегу, и смотрели, как вода падает вниз с утеса. Кейт чувствовала, как куртка ее промокает от снега, но никак не могла заставить себя пошевелиться. Чувство притаившейся опасности, терзавшее ее с момента прибытия, никуда не исчезло. И еще ее одолевали вопросы. Что случилось с этим местом? Какая катастрофа убила все деревья? Что сделало людей такими хмурыми и недружелюбными? Почему из Уэстпорта не видно горы? Где таинственный доктор Пим? И почему – это тревожило ее сильнее всего – в Кембриджском водопаде совсем нет детей?

– Так, команда, – важно объявил Майкл, вставая и отряхивая снег с куртки, – пора двигаться обратно. – Став предводителем, он начал называть Кейт и Эмму командой. – У нас осталось еще несколько комнат, которые мне бы хотелось осмотреть до ужина. А я слышал, как мисс Саллоу говорила что-то насчет говяжьего жаркого.

Вернувшись в дом, они нашли комнату, заполненную одними часами, комнату без потолка и еще одну – без пола. А потом они открыли комнату с кроватями.

Эта комната находилась на первом этаже юго-западного крыла. И в ней ровными рядами были выстроены не меньше шестидесяти старых металлических кроватей.

– Спальня, – заявил Майкл. – Как в настоящем приюте. – Но когда они распахнули занавески, то обнаружили на окнах железные решетки. После этого детям не захотелось задерживаться в этой комнате.

Приближалось время ужина, когда они спустились по лестнице и открыли полусгнившую дверь в винный погреб. Здесь было холодно и пахло плесенью. Лучи карманных фонариков заскользили по бесконечным рядам пустых стеллажей.

Потом Майкл нашел узкий коридорчик в задней части погреба и, пройдя его до конца, уперся в кирпичную стену. Он как раз повернул обратно, когда Эмма и Кейт вдруг вышли из-за угла.

– Что ты нашел? – спросила Эмма.

– Ничего.

– Куда она ведет?

– Куда что ведет?

– Ты что, ослеп? Она!

Майкл повернулся. Там, где только что была сплошная каменная стена, теперь появилась дверь. Ему вдруг стало трудно дышать, и сердце быстро-быстро забилося в груди.

– Что случилось? – тут же спросила Кейт.

– Ничего, просто... – с усилием выговорил Майкл, – ...просто этой двери только что здесь не было.

– Что?

– Он нас разыгрывает, – объяснила Эмма. – Разве ты забыла, что это обязательная часть его игры в исследования – притворяться, будто гномы существуют на самом деле, и сводить всех с ума этой тягомотиной?

– Это правда? – спросила Кейт. – Ты просто играешь?

Майкл уже открыл рот, чтобы сказать, что он ни капельки не играет, а говорит чистую правду, но заглянув в глаза Кейт, понял самое главное: если он это сделает, сестра немедленно

заставит их отсюда уйти. И потом, что он, собственно, собирался сказать? Что дверь появилась тут из ниоткуда? Это невозможно. Такого не бывает. Очевидно, он ее просто не заметил.

Только это было не так. Майкл твердо это знал.

– Майкл?

– Ага. Я пошутил. – И он улыбнулся, давая понять, что все в порядке.

– Говорю же, он просто чокнутый, – поддакнула Эмма. – Ты только посмотри, как он улыбается.

Дверь легко открылась, за ней оказалась узкая лестница, ведущая куда-то вниз. Майкл пошел первым, вслух считая ступеньки. Двадцать, двадцать одна, двадцать две... сорок три, сорок четыре, сорок пять... пятьдесят... шестьдесят... Семьдесят. На восемьдесят второй ступеньке они очутились перед еще одной дверью.

Тогда Майкл остановился и обернулся к сестрам.

– Я хочу признаться. Я соврал. Там правда не было двери.

– Что?..

– Простите. Предводитель не должен врать своей команде. Но мне просто ужасно хотелось узнать, что за этой дверью.

Кейт сердито покачала головой.

– Идем отсюда – немедленно!

– Да он просто снова придушивается! – простонала Эмма. – Скажи ей, Майкл!

– Так, оба – за мной.

– Кейт... – Майкл поднялся на одну ступеньку и остановился перед ней. – Пожалуйста...

Впоследствии Кейт не раз вспоминала это мгновение – именно это, единственное – и спрашивала себя, что было бы, если бы она тогда не уступила, если бы не посмотрела Майклу в глаза и не увидела в них восторг, волнение и отчаянную мольбу...

– Ладно, – вздохнула она, сказав себе, что Майкл просто проглядел эту дверь в тусклом свете подвала, поэтому не стоит делать из мухи слона. – Пять минут.

Майкл тут же схватился за дверную ручку. Дверь открылась в темноту.

Они вошли внутрь двумя группками – Кейт и Эмма с одной стороны, Майкл с другой, и лучи их фонариков высветили какую-то лабораторию или кабинет. Сводчатый потолок придавал помещению сходство с пещерой, а еще эта комната была и очень большой, и очень маленькой, и при этом практически нормального размера. Стоило повернуться в сторону, как стены словно перемещались. Куда ни посмотри, всюду были книги – они громоздились стопками на полу, на столах, плотным рядами стояли на полках. Еще здесь были застекленные шкафчики, забитые бутылочками всевозможных форм и размеров, а также какими-то длинными медными инструментами со шкалами и винтами. Кейт разыскала глобус, но стоило ей повернуть его, как страны стали меняться у нее на глазах, принимая совершенно незнакомые очертания.

Наверное, если бы здесь горел свет или камин, Кейт сразу узнала бы эту комнату. Но света не было, поэтому она просто бродила в темноте, считая секунды, оставшиеся до ухода.

– Смотри! – сказала Эмма. Она стояла перед целой шеренгой склянок, указывая пальцем на одну из них. Кейт наклонилась, чтобы получше разглядеть. Крошечная ящерка с длинными коготками висела в янтарной жидкости. Пара аккуратно сложенных пергаментных крылышек покоилась у нее на спине.

Майкл, забравшийся в противоположный угол комнаты, поднял свой фотоаппарат. Не успел он нажать на кнопку, как стоявшая за его спиной Кейт прошептала что-то вроде: «О нет!»

Камера выплюнула карточку, и Майкл замахал ею в воздухе, чтобы поскорее просушить, смагивая радужные круги, поплывшие у него перед глазами от вспышки. Он фотографировал какую-то старинную книжку, обнаруженную на столе. Книга была переплетена в зеленую кожу, но все страницы в ней были пустыми.

Кейт поспешно подошла к брату, волоча за руку упирающуюся Эмму.

– Немедленно уходим отсюда.

– Смотри! – Майкл свободной рукой пролистнул книгу. – Все страницы чистые. Как будто их вытерли.

– Майкл, мы должны уйти отсюда. Я не шучу.

Фотография уже высохла, поэтому Майкл сунул ее в свою тетрадку. Но тетрадь сама открылась на заложенной между страницами карточке – той самой, которую прошлой ночью дал им Абрахам и где было изображено озеро и городок вдали.

– Ты меня слышишь? – спросила Кейт. – Идем отсюда.

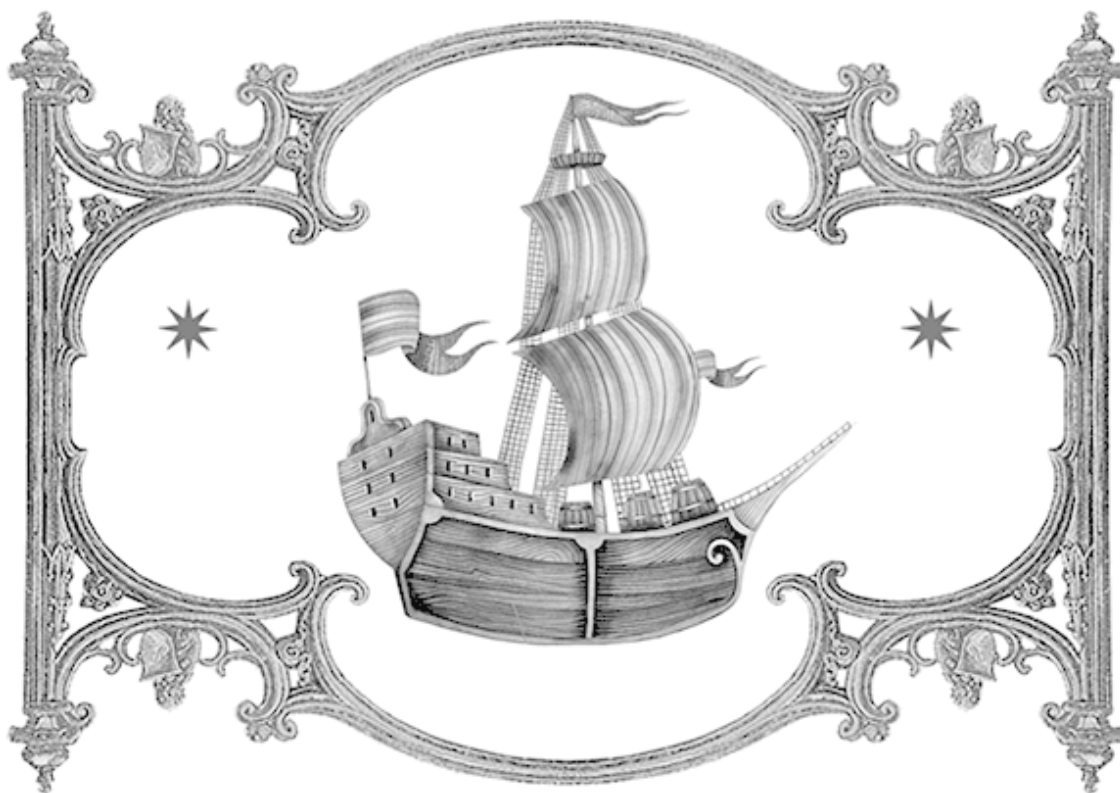
– Пусти! – завопила Эмма, вырывая свою руку.

– Ты сама сказала, что у нас есть пять минут. Это всего лишь чей-то кабинет. А это, наверное, старый фотоальбом. Видишь?

Майкл ткнул фотографией Абрахама в сторону книги, но в этот момент Кейт схватила его за руку. Она что-то говорила. Что-то насчет какого-то сна, который ей приснился. Но не успела фотография Абрахама коснуться пустой страницы книги, как пол ушел из-под ног у детей.

Глава 4

Графиня Кембриджского водопада

- Это же... вот здорово... то есть мы, значит...
- Майкл, ты цел?
- ...и ничего другого... то есть так и есть, правильно, и мы...
- Майкл!
- ...вот это да!..
- Майкл!!
- Чего?
- Ты в порядке?
- Что ты?.. А, да, конечно, я в порядке.
- Эмма?
- Я в порядке. Кажется.

Они стояли на берегу большого спокойного озера. Вдалеке из-за сосен выглядывали трубы и остроконечные крыши домов. Был ясный летний день. Кейт чувствовала аромат цветов.

– Что... произошло? – спросила Эмма. – Где мы?

– Я могу ответить на этот вопрос. – Лицо Майкла пылало от восторга, слова сами собой лились у него изо рта. – Мы в фотографии Абрахама! То есть не в самой карточке, это было бы глупо, – здесь он позволил себе небольшой смешок, – нет, нас просто забросило в то время и место, когда была сделана фотография!

Эмма вытаращила глаза.

– Что?

– Разве ты не видишь? Это же магия! Так я и знал!

– Такого не бывает.

– Да что ты? Тогда как мы сюда попали?

Эмма огляделась по сторонам и, не найдя подходящих аргументов, благоразумно сменила тему:

– Ну, и где же мы тогда?

– В Кембриджском водопаде, где же еще!

– Ха! Да тут же огромное-преогромное озеро! И деревья, и вообще. А окрестности Кембриджского водопада похожи на лунный пейзаж!

Эмма была несказанно рада возможности хоть в чем-то опровергнуть слова Майкла.

– Да это же раньше! Тогда, когда тут было так! Ты просто не видела фотографию! Это то самое место. Я дотронулся карточкой до книги, и мы очутились здесь! Стоп, книга. Где же...

Книга лежала на земле рядом с ними, ее зеленая обложка стала темно-изумрудной на солнце. Майкл схватил ее и лихорадочно перелистал страницы.

– Фотография пропала! Но это она перенесла нас сюда! – Широко улыбаясь, Майкл сунул книгу в свой рюкзак и похлопал по нему рукой. – Она взаправдашняя. Тут все взаправду.

Отойдя в сторонку, Кейт рассеянно смотрела на большой корабль, видневшийся далеко от берега, примерно на середине озера. Неусыпная ответственность за брата и сестру сделала ее трезвой и педантичной. Кейт никогда не позволяла себе фантазий, которым предавался Майкл. Однако на этот раз ее брат был прав: он положил фотографию в книгу, и они очутились здесь. Но что это означает? Что книга была волшебной? Что они совершили путешествие во времени? Но как такое возможно?

– Господи помилуй...

Кейт стремительно обернулась. Невысокий мужчина стоял в нескольких шагах от нее, держа в руках фотокамеру. На нем был опрятный коричневый костюм, он был лысый, как коленка, и с опрятной белой бородкой. И он смотрел на них, широко разинув рот.

– Да это же Абрахам! – воскликнул Майкл. – Ну да, все понятно. Он должен был быть здесь, чтобы сделать свою фотографию. Это он, только моложе.

– Но все равно лысый, – сказала Эмма.

Кейт сделала глубокий вдох. Она должна была собраться с силами. Но в следующий миг из леса донесся крик, да такой, какого дети никогда в жизни не слышали. Он пробрал их до костей, как порыв ледяного ветра, и даже вода в озере пошла рябью.

– О нет... – простонал Абрахам.

Какая-то фигура выскочила из леса и помчалась к ним по высокой траве. Она была одета в темные лохмотья, ее лицо скрывало что-то наподобие маски. Когда существо приблизилось, Кейт разглядела, что оно движется какими-то странными порывистыми скачками, словно при каждом шаге ему приходится выбрасывать вперед ноги.

– Бегите! – прошипел Абрахам. – Спасайтесь!

– Что это такое? – спросила Кейт.

– Просто бегите! Бегите!

Но Майкл все еще возился со своим фотоаппаратом, Эмма подобрала с земли камень, и Кейт поняла, что уже поздно. Странное существо вытащило откуда-то длинный изогнутый меч и снова заорало. На этот раз все оказалось еще хуже: Кейт почувствовала, как у нее подкашиваются ноги, а сердце съеживается в груди, словно этот ужасный крик выдавливал из нее всю кровь вместе с жизнью.

Существо опрокинуло Абрахама на землю.

Вся дрожа, Кейт шагнула вперед, чтобы загородить собой брата и сестру.

– Стой!

Как ни странно, существо послушалось. Оно остановилось прямо перед Кейт. Оказалось, что оно совершенно не запыхалось, хотя бежало сюда бегом от самого леса. Откровенно говоря,

Кейт не могла с уверенностью сказать, дышало ли оно вообще. При ближайшем рассмотрении его лохмотья оказались полуистлевшими остатками какого-то старинного мундира. Выцветший шеврон до сих пор виднелся у него на груди. Металл старинного меча давно потускнел и выщербился. Но внимание Кейт привлекло не это, а кожа загадочного существа. Она была какого-то болотного зеленого цвета и вся покрыта комьями земли, веточками, а кое-где даже клочками мха. Прямо на глазах у Кейт толстый розовый червяк выполз из ребер незнакомца, торчавших из-под лохмотьев.

Она заставила себя посмотреть в лицо этому созданию. Нет, никакой маски на нем не было. Просто вся его голова была плотно, как бинтами, обмотана полосками черной ткани, оставлявшей открытыми одни глаза. Глаза оказались желтыми, с вертикальными, как у кошки, зрачками. При этом пахло от существа так, будто его несколько столетий назад похоронили в болоте, а теперь зачем-то выкопали.

Существо подняло меч и указало в ту сторону, откуда явилось.

– Вам лучше пойти с ним, – сказал Абрахам. – Он все равно вас заставит.

Обойдя Кейт, существо схватило Майкла и швырнуло его в сторону деревьев. Затем оно повернулось к Эмме, но Кейт снова преградила ему дорогу.

– Хватит, все, хватит! Мы идем!

– Захвати мою камеру! – крикнул Майкл.

Кейт остановилась, подобрала фотоаппарат и повесила его себе на шею. Эмма все еще сжимала в руке камень, поэтому Кейт молча взяла ее за свободную руку, подвела к Майклу, и они направились в сторону сосен, а странное существо поволоклось за ними следом.

Лес, через который вели детей, ничем не напоминал Кембриджский водопад, каким они его запомнили в свое время. Здесь росли высокие кряжистые деревья, земля была покрыта толстым ковром папоротников, а воздух звенел от птичьего пения. Все вокруг росло, цвело и было полно жизни.

– ...говорю вам, доктор Пим – волшебник, – возбужденно шептал Майкл. – Наверное, это был его кабинет, как вы думаете? Интересно, что у него там еще есть?

Кейт уже примирилась с тем, что случившееся с ними было настоящим волшебством. Строго говоря, это объясняло очень многое – не только книгу, найденную Майклом, но, в частности, и то, как целая горная цепь могла сделаться невидимой. Хорошо, магия существовала на самом деле. Но сейчас Кейт больше волновало не это, а то, как им отсюда выбраться.

– Как вы думаете, куда он нас ведет? – спросила Эмма.

– Наверное, собирается нас казнить, – ответил Майкл, снимая очки. День был жаркий и влажный, поэтому все трое начали потеть.

– Надеюсь, тебя он казнит первым, мистер Это-Просто-Фотоальбом! Потому что я очень хочу насладиться этим зрелищем! – Эмма обернулась к их конвоиру. – Куда ты нас ведешь, воючка?

– Не разговаривай с ним, – попросила Кейт.

– Я не боюсь!

– Я знаю, – согласилась Кейт, прекрасно зная, что это не так. – Все равно не разговаривай.

Они шли еще минут десять, понукаемые глухим рычанием и тычками своего охранника, а потом поднялись на невысокий пригорок, за которым лес вдруг расступился, и Майкл замер как вкопанный.

– Смотрите!

Он указывал на реку. В первый момент Кейт не поняла, что видит перед собой. Ей показалось, будто вода, опустившись до середины ущелья, вся ушла под узкий каменный мост, где вдруг остановилась, испуганно замерев в четверти мили от водопадов. Только никаких водопадов не было! Не было реки, переливавшейся через утес! Кейт оглянулась назад, на сухой

желоб расселины, перед которой обрывалась голубая лента воды. В глаза ей бросилась широкая деревянная стена, перегораживавшая ущелье, и тут до нее дошло: плотина, о которой говорил Абрахам!

Снова посмотрев на город и на сверкающее вдали озеро, Кейт заметила большой корабль, который уже видела раньше, скользивший по блестящей глади. В том Кембриджском водопаде, откуда они сюда попали, не было ни плотины, ни озера, ни деревьев. Что же должно было произойти, чтобы все настолько изменилось? Может быть, во всем виноват этот облезлый тип в лохмотьях?

– В «Гномьем Изборнике», – сообщил Майкл, – Дж. Дж. Гринлиф упоминает о том, что гномы очень искусны в сооружении всевозможных плотин. Не то что эльфы. Те если что-то и строят, то только салоны красоты.

Эмма громко застонала и объявила, что они с Кейт не желают больше ничего слышать о гномах.

– Между прочим, мы все скоро умрем, так что не смей нас мучить!

Оборванное существо вынырнуло из-за деревьев у них за спиной и замахало своим мечом.

– Идем, – вздохнула Кейт.

Спускаясь вниз со склона, Кейт машинально нащарила рукой мамин медальон. Она должна была защитить младших и вытащить их всех отсюда. Она ведь дала слово.

– А это... – начала Эмма.

– Да, – ответила Кейт.

– Но...

– Да.

– Что они с ними делают?

– Не знаю.

Существо вывело их из леса на поляну возле плотины. Вблизи плотина оказалась похожа на огромную деревянную стену, толщиной не меньше двадцати пяти футов, причем вся конструкция слегка закруглялась, образуя плавную букву «С», упиравшуюся концами в стороны ущелья. Передняя, выпуклая часть плотины была обращена к огромному пространству неподвижной воды. Задняя смотрела в никуда. В пустоту.

Но никто из них – ни Кейт, ни Эмма, ни даже Майкл – не смотрели на плотину.

Причина была проста.

Они нашли детей Кембриджского водопада.

Посреди поляны, сбившись в плотную кучу, стояло около сорока или пятидесяти мальчиков и девочек. Кейт сразу определила, что самому младшему из детей было не больше шести, а самый старший был примерно одних лет с Майклом. При этом Кейт сразу бросилось в глаза, что на поляне не было ни криков, ни беготни, ни толкотни – иными словами, ни малейшего следа нормального поведения детей, когда они собираются вместе. Почти пятьдесят ребятишек абсолютно тихо и неподвижно стояли на одном месте.

А вокруг них расхаживали девять полуразложившихся существ в черном.

С хриплым тьяканьем конвоир погнал троих детей П вперед.

– Эмма, – прошептала Кейт, – мы должны расспросить этих детей. Так что не выкидывай ничего, ладно?

– О чем это ты?

– Она хочет сказать, чтобы ты не начинала с ними драться, – перевел Майкл.

– Ладно, – пробурчала Эмма.

Существо привело их в задние ряды толпы. Кейт с облегчением убедилась, что большая часть детей смотрела через плотину в сторону леса, поэтому даже не заметила их появления.

Только один мальчик глядел прямо на них. У него было круглое лицо, копна нечесаных рыжих кудрей на голове и длинные передние зубы.

– Чего уставился, ты... – начала Эмма.

– Эмма.

Эмма послушно закрыла рот.

– Вы незнакомые, – сказал мальчик.

Он говорил очень тихо, а на лице его было написано выражение, которое Кейт сразу же узнала. Она не раз видела его у детей, которые после долгих лет, проведенных в приюте, наконец, понимали, что никто и никогда их не усыновит. У этого мальчика больше не было надежды.

– Меня зовут Кейт, – представилась она, тоже понизив голос почти до шепота. – Это мои брат и сестра, Майкл и Эмма. А тебя как зовут?

– Стивен Мак-Клаттери. Вы откуда?

– Из будущего, – ответил Майкл. – Наверное, лет пятнадцать вперед или около того. Плюс-минус.

– Майкл наш предводитель, – радостно сообщила Эмма. – Так что если мы все умрем, то по его вине.

Мальчик слегка растерялся.

– Это существо нашло нас в лесу и притащило сюда, – пояснила ему Кейт. – Кто они такие?

– Крикуны, что ли? – уточнил Стивен Мак-Клаттери. Какая-то маленькая девочка подошла и встала рядом с ним. – Мы их так прозвали за то, что они кричат. Вы слышали, как они орут?

– Я слышала, когда спала, – встала девочка. Кейт посмотрела на нее. Девочка была младше Эммы, с двумя хвостиками на голове и в очках, стекла которых делали ее глаза круглыми и огромными, как у совы. Она прижимала к себе видавшую виды куклу, у которой не хватало половины волос.

– Это твоя сестра?

Стивен Мак-Клаттери покачал головой.

– Это Анни. Она раньше жила в доме на краю деревни.

Маленькая девочка энергично закивала, давая понять, что это чистая правда.

– А где ты сейчас живешь? – спросила Кейт, хотя уже знала ответ.

– В большом доме, – ответил Стивен.

Кейт переглянулась с Майклом и Эммой. Все трое одновременно вспомнили огромную комнату с решетками на окнах и бесконечными рядами кроватей.

– Вы сироты? – спросила Эмма. – Все?

– Нет, – сказал Стивен. – У нас есть родители.

– Тогда почему вы не живете с ними? – поинтересовался Майкл.

Стивен Мак-Клаттери пожал плечами.

– Потому что она нам не разрешает.

Кейт содрогнулась; разгадка тайны исчезнувших детей была совсем рядом. Но прежде чем она успела спросить, кто такая эта «она», в толпе детей кто-то вскрикнул, и все пришло в движение. Дети прыгали, кричали, лезли друг на друга, совершенно забыв о страхе перед ободранными существами. Стивен Мак-Клаттери и девочка исчезли в толпе.

– Это еще что? – спросила Эмма. – В чем дело?

Кейт встала на цыпочки, чтобы посмотреть поверх голов детей. Из леса, отрезанного от поляны глубоким ущельем, вереницей выходили какие-то люди. Теперь Кейт поняла, почему дети пришли в такое волнение.

– Это их мамы.

Толпа на другой стороне ущелья состояла из одних женщин. Они махали руками и окликали детей по именам.

Кейт огляделась. Крикуны, как назвал их Стивен, мгновенно бросились вперед, отпихивая детей от ущелья. Это был их шанс сбежать. Вот только как это сделать? Они были заперты в прошлом.

И тут ее осенило.

– Майкл! Фотография все еще у тебя?

– Нет, она пропала, когда я вложил ее в...

– Нет, не та, что дал нам Абрахам! Другая! Та, которую ты сделал своим фотоаппаратом. Когда мы были в кабинете! Скажи, что ты ее не потерял!

Майкл вытаращил глаза, догадавшись, куда она клонит.

Когда он вложил фотографию Абрахама в книгу, они перенеслись в прошлое. Может быть, фотография, сделанная в подвальном кабинете, вернет их обратно в свое время?

– Ага! Да, она при мне!

Но не успел Майкл сунуть руку в рюкзак, как раздался еще один звук.

Арррррррраааааджджджа – аррррррррраааааджджджа!

Звук доносился из леса за их спиной, и на глазах у Кейт все дети и их матери вдруг замерли, смолкли и повернулись на шум. Несколько секунд ничего не происходило. Затем Кейт услышала знакомое тарахтенье мотора, и блестящий черный мотоцикл вылетел из леса, давя землю своими толстыми рифлеными шинами. За рулем сидел очень маленький и очень странный человечек. Подбородок у него был длинный и узкий, голова тоже стремительно сужалась к макушке, зато посередине сияло широкое плоское лицо. Казалось, будто кто-то для смеха взял беднягу за темя и за подбородок и потянул в разные стороны. Облик странного водителя довершали светлые свалывшиеся волосы, темный костюм в тончайшую игольную полоску и старомодный галстук-бабочка. Глаза его скрывались за очками с огромными круглыми стеклами. Водитель нажал на сигнал.

Аррруджджджа!

Мотоцикл был с коляской. Но с такого расстояния Кейт не могла разглядеть пассажира. Видно было только, что он одет в старомодный пыльник, кожаный шлем и такие же очки, как у водителя.

Аррруджджджа!

Пыхтя и подпрыгивая на рытвинах, мотоцикл объехал толпу детей и остановился у края плотины. Кейт заметила, что Крикуны не тронулись с места. Похоже, они ждали приезда этих двоих.

Водитель заглушил двигатель и подбежал к пассажиру, уже выходившему из коляски. Закутанная фигура молча сняла пыльник и сбросила его на руки маленькому человечку, следом полетели шлем и очки. После этого перед толпой предстала девушка лет шестнадцати или семнадцати. У нее была безупречная белоснежная кожа и золотые волосы, идеальными локонами ниспадавшие на плечи. Белое платье с оборками, показавшееся Кейт несколько старомодным, оставляло открытыми стройные белые руки девушки. На ней не было никаких украшений. Она в них не нуждалась. Эта девушка была самым ослепительным и прекрасным созданием, которое Кейт когда-либо видела в жизни. Казалось, она вся светилась, переполненная жизнью. Заметив под ногами желтенький цветок, девушка с радостным криком сорвала его, потом повернулась и побежала к плотине.

– Кто она такая? – спросил Майкл.

– Она самая, – тихо ответил Стивен Мак-Клаттери. – Графиня.

– Мне она не нравится, – объявила Эмма. – Воображала.

Тем временем девушка или молодая женщина (как кому угодно называть особу шестнадцати-семнадцати лет) подбежала к плотине и, запрокинув голову, посмотрела на ступеньки.

До сих пор все внимание Кейт было поглощено детьми, поэтому она только сейчас заметила, насколько колоссальной была эта плотина. Возвышаясь на шесть или семь футов над ущельем, она образовывала над ним нечто вроде широкого изогнутого моста. Поднявшись наверх, Графиня, кружась и пританцовывая, добежала до середины плотины и остановилась прямо над самой глубокой частью ущелья, так что за спиной у нее теперь было только небо и поросшие лесом склоны долины.

Отвернувшись от закутанных в шали матерей, Графиня повернулась к детям и даже запрыгала от восторга.

– Ой, смотрите! Вы все пришли! Я так счастлива вас всех видеть!

– По-моему, она совсем не плохая, – прошептал Майкл.

– Да заткнись ты, – шикнула Эмма.

Девушка говорила очень весело и, как отметила Кейт, с небольшим акцентом.

– Ах, я уверена, что вы все удивляетесь, зачем это я попросила вас собраться здесь. Что ж, скажите спасибо моему секретарю, мистеру Кавендишу. – Графиня указала на коротышку, тщетно пытавшегося пригладить свои сальные волосы. – Нет, ну разве он не чудо? Так вот, мистер Кавендиш напомнил мне, что сегодня исполняется ровно два года с тех пор, как я приехала в Кембриджский водопад. *C'est incroyable, n'est-ce pas?*¹ Целых два года мы с вами вместе! Как чудесно-расчудесно!

Если кто-то из собравшихся и полагал, что это расчудесно, он предпочел оставить свое мнение при себе.

– Но при этом мистер Кавендиш напомнил мне о грустном – ваши мужчины до сих пор не нашли то, что я попросила их найти в первый день своего прибытия сюда! Бу. – Графиня обиженно выпятила нижнюю губку.

– По-моему, она очень милая, вам не кажется? – спросил Майкл.

На этот раз уже Кейт попросила его заткнуться.

А Графиня продолжала:

– Но не стоит отчаиваться, *mes amis!*² Ваша маленькая Графинюшка все думала и думала, пока у нее голова не разболелась, и наконец поняла, что все сделала неправильно! Да-да, милые, мне некого винить, кроме самой себя! Понимаете, я ведь сказала вашим мужчинам: «Отыщите мне то, что я хочу, и я уеду. А вы с чистым сердцем сможете вернуться к своим семьям. И все будет по-старому». Правильно? *Quelle imbécile!*³ Просто не понимаю, как я могла быть такой глупышкой! Я попросила ваших мужчин разыскать кое-что, а в награду за находку пообещала лишить вас своего общества! И после этого удивляюсь тому, что они не смогли добиться никакого успеха! Ах, милые! Но вы же не хотите меня отпускать! Вы слишком сильно меня любите! Нет, я не могу винить вас за это. Просто так больше не пойдет. Поэтому, как бы это ни было тяжело, но нам придется заставить вас чуть-чуть разлюбить меня.

Графиня махнула рукой, и внезапно один из полуразложившихся типов в черном бросился в толпу детей. Ворвавшись в самую гущу малышей, он уже через мгновение выскочил обратно, неся под мышкой маленькую Анни. Он бежал к плотине! Дикий крик вырвался из толпы детей и матерей. Остановившись перед Графиней, мерзкое существо ухватило девочку за воротник куртки и перекинуло через край плотины.

Отчаянный визг Анни ударил Кейт по ушам. Бедная девочка дергала ногами в воздухе. Женщина на другой стороне плотины рухнула на колени.

– Что он делает? – закричала Эмма, больно сжимая руку Кейт. – Он же не может, он не может...

¹ Это невероятно, не правда ли? (*фр.*)

² Мои друзья. (*фр.*).

³ Как глупо! (*фр.*)

Графиня зажала ладошками уши и завертелась волчком, весело выкрикивая:

– Ой, сколько шума! Я не слышу своих мыслей!

Наконец все крики смолкли, и слышен был только тоненький плач Анни.

Графиня сочувственно улыбнулась.

– Я понимаю! Это ужасно. Но что я могу поделать? Прошло целых два года, правда ведь, мистер Кавендиш? Уже два года?

Секретарь кивнул своей остроконечной головой.

– Поверьте мне, *mes amis*, мне совсем не нравится притворяться злокой! Но я просто обязана излечить вас всех от избыточной любви ко мне! – Графиня подобрала оброненную Анни куклу и нежно приладила ее редкие волосы. – Поэтому вашим мужчинам уже послали весточку. Они должны найти то, что я ищу, иначе начиная с этого воскресенья – ах, ненавижу воскресенья, они такие скучные! – да, начиная с этого воскресенья ваш городок будет терять по одному ребенку каждую неделю, которую мне придется ждать впустую.

С ребячливым смешком Графиня швырнула куклу в ущелье. Когда та, кувыркаясь, полетела в пустоту, с обеих сторон расселины поднялись крики. Кейт чувствовала ужас, охвативший детей. Внезапно кто-то отодвинул ее сзади. Обернувшись, Кейт увидела рваный вылинявший мундир и сначала подумала, будто это один из Крикунов. Но это оказался кто-то другой. Неизвестный двигался очень плавно, его походка была нисколько не похожа на дерганные движения Крикунов. И еще он был огромный. Выше любого из Крикунов и вдвое, а то и втрое шире. Если это был мужчина, то точно самый огромный, которого Кейт видела в своей жизни. Проходя мимо, великан на миг опустил взгляд. Его глаза оказались цвета серого гранита. Великан шагнул сквозь толпу детей, направляясь прямо к прелестному созданию, стоявшему на плотине.

– Кто это? – спросила Эмма. – Он точно не Крикун. Видели его глаза?

Тем временем стоявшая на плотине Графиня кивнула своей золотоволосой головкой, и Крикун, втащив Анни обратно, спихнул ее с лестницы. Горько плача, девочка вскочила на ноги и побежала к остальным детям.

– Что ж, милые, это была прелестная встреча! Между прочим, вы все очень хорошо выглядите. Я рада видеть, что вы заботитесь о себе. Тем не менее я должна...

– Она увидела его! – сказала Эмма.

– Кого увидела? – Когда великан проходил через толпу, Майкл протирал свои очки, яростно полируя стекла, словно хотел навсегда счистить с них то, что он только что увидел. – О ком вы говорите?

Графиня уставилась на огромного человека, выступившего из толпы ребятишек. Кейт увидела, как она что-то шепнула стоявшему рядом с ней Крикуну, тот послушно разинул свой огромный рот – и они снова слышали крик.

Майкл и Эмма зажали уши руками, но это было бесполезно. Остальные дети вели себя так, словно их сразило на месте, многие попадали на колени. Жадно хватая ртом воздух, Кейт смотрела, как трое полутрупов вытащили свои ржавые зазубренные мечи и двинулись на великана. В тот же миг он обнажил свой меч. Толпа детей отшатнулась. Эмму сбили с ног. Кейт и Майкл подняли ее и быстро попятились назад, чтобы их не затоптали. Несколько мгновений сквозь крики детей можно было различить хрипкое кряканье и звон мечей, а потом жуткие вопли один за другим смолкли.

Выбравшись из давки, Кейт увидела, что трое Крикунов валяются на земле. Все они с жутким шипением растворялись, смешиваясь с землей. Великан тяжело дышал. Шарф, обматывавший его голову, был сорван. У великана оказались длинные черные волосы и шрам на одной щеке.

– Он их убил! – ахнул Стивен Мак-Клаттери. – Он убил Крикунов! До сих пор это никому не удавалось.

Еще шестеро Крикунов ринулись на великана.

Стоя на вершине плотины, Графиня беспечно теребила в руках сорванный цветочек и наблюдала за происходящим с любопытством юной девушки, высматривающей своего кавалера в толчее бальной залы. Кейт заметила, что Кавендиш, водитель и секретарь с головой в форме мяча для регби, безуспешно пытается спрятаться за мотоциклом.

– Он не сможет справиться с шестерыми сразу! – сказал Майкл. – Это нереально.

Судя по всему, великан пришел к тому же выводу. Когда Крикуны бросились на него, он развернулся и помчался в сторону плотины.

– Умри, ведьма!

Но прежде чем он успел занести меч, Графиня сдула с ладошки свой цветочек. Кейт увидела, как золотой вихрь налетел на великана и обернулся вокруг него. Исполин отпрянул назад, потом мышцы его застыли, и он оцепенел. Когда первый подбежавший Крикун пихнул его в грудь, великан покачнулся и, даже не шелохнувшись, столбом рухнул на землю, подняв облако пыли. Графиня звонко рассмеялась и запрыгала на месте.

– Вы видели? – спросил Майкл. – Видели, что она сделала?

– Она ведьма, – отрезала Эмма. – Нужно сбросить ее с плотины. Или сжечь. Так поступают со всеми ведьмами.

Кейт поняла, что им нужно немедленно убираться отсюда. И уже неважно, заметит это кто-нибудь или нет. Она уже приготовилась попросить Майкла немедленно вынуть книгу, когда юная красавица вдруг обернулась и посмотрела прямо на троих детей П.

Кейт показалось, будто ее проткнули ножом.

Графиня вытянула руку, указывая пальцем прямо в сердце Кейт. И пронзительно завизжала:

– Остановите их!

– Майкл, – прошипела Кейт. – Книга! Скорее!

– Но кто-нибудь может увидеть...

– Неважно! – Не тратя времени на объяснения, Кейт сама полезла в рюкзак Майкла и вытащила книгу. Темные фигуры бегом бросились к ним. Один из Крикунов завизжал. Потом другой. И еще один. Кейт охватило тошнотворное ощущение, будто ее затащили под воду, не дав глотнуть воздуха. Она просто не могла дышать.

– Где... где карточка?

Майкл не шелохнулся. Кейт поняла, что вопли ужасных созданий ввергли его в оцепенение. Но тут Эмма с размаху влепила брату пощечину.

– Что?.. Зачем ты это сделала?

– Фотография!

Майкл увидел, как темные фигуры несутся к ним, на ходу расшвыривая детей. Графиня снова закричала:

– Задержите этих детей!

Майкл порылся в карманах, вытащил фотографию и тут же выронил ее.

Кейт упала на колени и поспешно открыла книгу.

– Эмма, держи меня за руку!

Дрожащими руками она потянулась к карточке, но Майкл уже успел наступить на нее.

– Где она? – спросил он. – Я ее не вижу!

– Да ты на ней стоишь! Отойди!

Крикуны были все ближе. Их крики стали еще сильнее, чем раньше. Нужно сосредоточиться, собраться...

И вдруг на мгновение наступила тишина. Похоже, мерзким полутрупам тоже нужно было перевести дух. Кейт почувствовала, как воздух снова возвращается в ее легкие, а сердце толчками гонит кровь по телу. Оттолкнув Майкла, она схватила с земли фотографию. Карточка

была вся в земле и сильно смялась под ботинком. Краем глаза Кейт увидела, как один из Крикунов отшвырнул прочь Стивена Мак-Клаттери.

– Быстрее! – завопила Эмма.

– Держитесь за меня! – приказала Кейт.

Когда две темные фигуры ринулись на детей, Кейт коснулась карточкой пустой страницы. В тот же миг у нее екнуло в животе, и земля ушла из-под ног.

Кейт моргнула. Кругом было темно. И холодно. Она поморгала еще несколько раз, и когда ее глаза привыкли к мраку, испытала невероятное облегчение. Они вернулись в подвальную комнату огромного дома. Сама Кейт стояла на коленях, держа перед собой книгу. Напротив, в другом конце комнаты, она видела Майкла, себя и Эмму, их фигуры четко обрисовывались светом фонариков.

А потом их двойники вдруг исчезли.

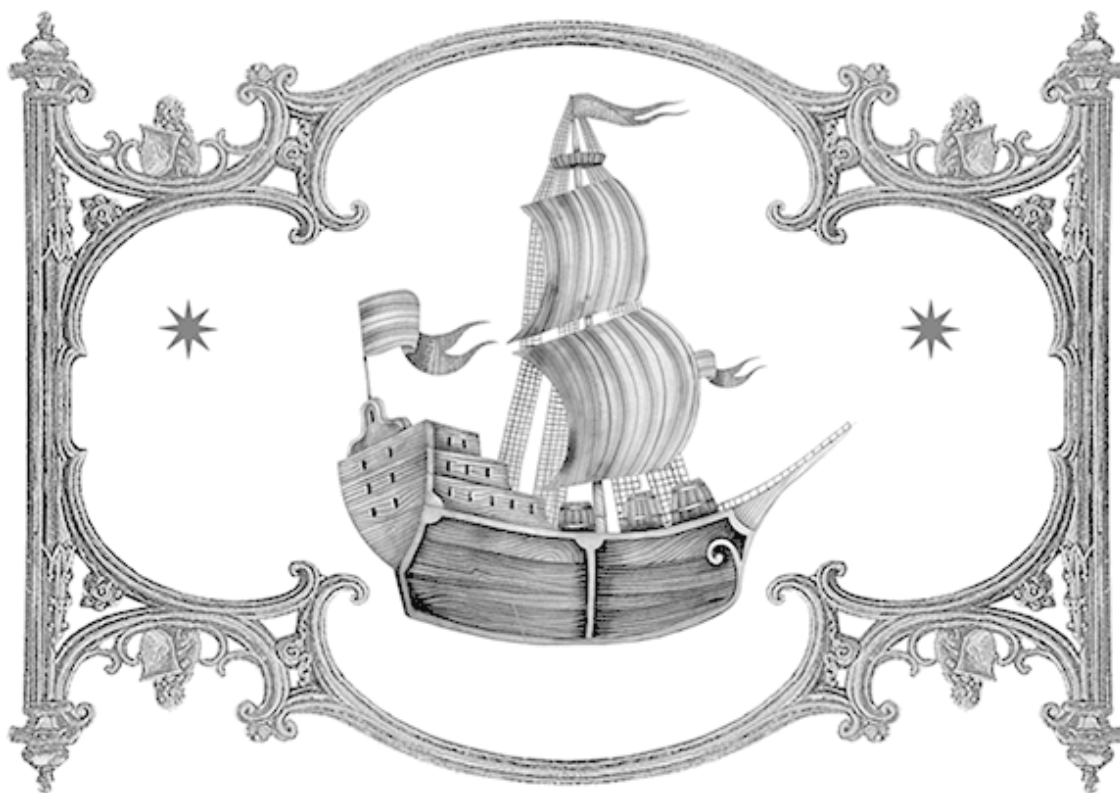
Кейт почувствовала, как ее отпустило, словно до сих пор какая-то сила удерживала ее на месте.

– Кейт, – услышала она совсем рядом голос Эммы. Только теперь Кейт заметила, с какой силой сестра сжимала ее руку. – Кейт, где Майкл?

Кейт посмотрела туда, где только что стоял Майкл. Туда, где он должен был стоять. Только теперь его там не было.

Глава 5

Доктор Станислаус Пим

За ужином девочки сказали мисс Саллоу, что Майкл плохо себя чувствует и решил пораньше лечь спать. Сами они едва прикоснулись к еде и почти не замечали едких замечаний старухи, ворчавшей, что ее стряпня, понятное дело, не отвечает высоким стандартам версальской кухни, поэтому завтра поутру их величества наверняка прикажут ее гильотинировать. Вернувшись в свою комнату, сестры увидели, что Абрахам уже развел огонь в камине, поэтому они забрались в большую кровать, в которой спали вместе, и крепко обнялись.

– Все будет хорошо, – заверила Кейт Эмму. – Мы вернем его обратно.

Где-то в середине ночи Кейт поняла, что Эмма уснула. Но сама она пролежала без сна до самого утра, перебирая различные варианты того, что могло произойти. Может быть, в самый последний момент Майкла схватили Крикуны? Или еще ужаснее – Кейт вложила фотографию в книгу, не дождавшись, пока Майкл возьмет ее за руку? Что, если он потянулся к ней – и увидел, как они с Эммой тают в воздухе? Кейт снова и снова представляла, как Майкл хватается руками воздух в том месте, где только что стояли его сестры, и какой ужас он должен был испытать, почувствовал ледяную хватку Крикунов. Лежа в темноте рядом с тихо посапывавшей Эммой, Кейт тихо шептала: «Это я во всем виновата, я одна во всем виновата». Мама просила ее всего об одном – сберечь сестру и брата. А она и этого не сделала. Что она скажет маме? Как объяснит, что случилось? Ее единственной надеждой была книга, спрятанная под матрасом. Они с Эммой снова воспользуются ею. Они разбудят еще одну фотографию, возвратятся в прошлое и вернут Майкла обратно.

Когда небо за окном начало светлеть, Кейт растолкала Эмму.

– Одевайся, – сказала она. – Пойдем к Абрахаму.

Комната Абрахама находилась на самом верху северной башни, и девочки целую минуту стучали в его дверь, но к ним так никто и не вышел. Спустившись в кухню, они нашли там мисс Саллоу, свирепо громыхавшую сковородами на плите.

– Абрахам уехал в Уэстпорт, – доложила экономка, шмякая сосиски на тарелку Кейт. – Встречать доктора Пима.

– Что?

– Простите великодушно, ваши величества, я по-французски не обучена, но если вы понимаете простой английский язык, то повторяю: он отправился в Уэстпорт встречать доктора Пима. Рано утром отбыл. Скоро должен вернуться.

– Кейт, – прошептала Эмма, – помнишь, что говорил Майкл? Эта книга принадлежит нашему доктору. Как ты думаешь, он настоящий волшебник или...

– Где ваш братец? – рявкнула мисс Саллоу.

– Остался в постели, – ответила Кейт. – Ему все еще нездоровится.

– Хм! Наверное, объявил голодовку в знак протеста против помоев, которыми я его потчую. Но вы все же отнесите ему поесть. Можете швырнуть тарелки с лестницы, если будет на то его королевская воля.

И экономка направилась в кладовую за подносом.

Едва она вышла, Эмма перегнулась через стол и зашипела:

– Этот доктор Как-Его-Там сразу узнает, что мы стащили его книгу! И превратит нас в жаб или еще во что похуже. Надо...

Она резко замолчала, услышав звук нетвердых шагов, приближавшихся по коридору. В следующую секунду в кухню, прихрамывая, вошел тепло закутанный Абрахам.

– Доброе утро, девчушки, доброе утро. – Он направился к чайнику, потирая озябшие ладони. – Сегодня холодно, прям как в могиле. Я так и сказал доктору, когда мы с ним плыли по озеру. А он мне и говорит: «В самую точку, Абрахам. Именно что – холодно, как в могиле». Мы с ним славно потолковали, с доктором то есть.

– Абрахам?

– Да, мисс? – Он налил себя чашку чая и принялся один за другим кидать туда кусочки рафинада.

– Мы хотели попросить вас об одной услуге. Нам нужна еще одна...

– Что, не доели? Тем хуже для вас! – Мисс Саллоу ворвалась на кухню, выхватила у девочек тарелки и швырнула их в раковину. – Марш в библиотеку, ваши величества! Я встретила доктора в коридоре. Он хочет вас видеть, вот так-то.

– Нас? – переспросила Кейт. – Но зачем?

– А я почему знаю? Наверное, хочет взять у вас автографы. Так, чего вы ждете? Герольдов и труб, чтобы возвестить ваше прибытие? Марш! А ты, – она метко швырнула в Абрахама луковицей, – прекрати воровать мой сахар!

– Так я всего два кусочка-то и взял, мисс Саллоу.

– Два кусочка? Вот я тебе сейчас задам два кусочка! И еще два! А потом еще парочку!

С этими словами мисс Саллоу погнала Абрахама вокруг стола, молотя его деревянной ложкой.

Кейт вздохнула.

– Идем.

Кейт и Эмма остановились перед дверью в библиотеку.

– Не забудь, – прошептала Кейт, – что мы ничего о нем не знаем. Может быть, он обычный человек и директор приюта.

– Приюта для трех детей, расположенного в огромном старом доме, битком набитом всякой магией? Ага, как же!

Кейт пришлось признать, что ее сестра права, но тут послышался громкий голос:
– Входите, входите же! Нечего там шептаться.

Поскольку никакого другого выхода у них не было, Кейт взяла Эмму за руку и открыла дверь.

Они уже побывали в этом кабинете накануне, когда Эмма сломала лестницу, поэтому комната была им знакома. Здесь стояло два набитых книгами шкафа, а напротив двери тянулся целый ряд узких окон в стальных переплетах, выходивших на разрушенные конюшни. Слева находился небольшой камин и четыре очень потертых кожаных кресла. Седой мужчина в твидовом костюме стоял на коленях спиной к девочкам, пытаясь развести огонь. Дорожный плащ, прогулочная трость и выдавшая виды кожаная сумка валялись здесь же, на соседнем кресле.

– Садитесь, садитесь, – сказал старик, и его голос гулким эхом прогремел в дымоходе. – Я присоединюсь к вам через минутку.

Кейт и Эмма сели в кресла. Кейт посмотрела на старика. Интересно, сам-то он знает, что делает? В камине громоздилась неопрятная груда, в которой помимо палок и газет виднелось несколько камней, пустая банка из-под газировки и использованные чайные пакетики. Доктор Пим чиркал одну спичку за другой, но ничего не происходило.

– А как насчет этого? – пробормотал он. Кейт услышала, как старик что-то тихо пробормотал, и в тот же миг в очаге запылало веселое пламя. – Ну вот, то что нужно!

Эмма пихнула Кейт локтем в ребра, беззвучно говоря: «Видала?»

Старик встал и обернулся к девочкам, отряхивая руки. Он был очень стар, но при этом двигался с поразительной легкостью, без намека на старческую скованность. У него были густые, похожие на рога, белоснежные брови, а погнутые очки сидели на лице немного криво, словно их хозяин только что вышел из какой-то лихой переделки. Твидовый костюм доктора Пима выглядел так, словно побывал в той же переделке, а может быть, и в парочке других заодно.

– Разведение огня – это утраченное искусство. Не всякий справится. А теперь позвольте представиться. Доктор Станислаус Пим. – Старик низко поклонился девочкам.

Кейт и Эмма смотрели на него во все глаза. С виду доктор Пим был совершенно безобидным, ни дать ни взять – слегка выживший из ума старый дядюшка. Тем не менее он почему-то казался Кейт знакомым. Словно она уже видела его где-то раньше. Но ведь это было совершенно невозможно...

Доктор Пим молча смотрел на них, вопросительно приподняв одну бровь.

– Ой, – пробормотала Кейт. – Хм, я Кейт. А это моя сестра, Эмма.

– У вас есть фамилия?

– Нет. То есть да. Вроде того. П. Просто буква. Это все, что нам известно.

– Ах да, я помню. Это указывалось в ваших документах. Но если я не ошибаюсь, у вас есть еще брат? Где же он?

– Майкл плохо себя чувствует, – ответила Кейт.

Доктор Пим посмотрел на нее, и образ очаровательного, слегка тронутого старичка мгновенно исчез. Кейт показалось, будто он видит ее насквозь. Потом почти столь же быстро доктор Пим снова улыбнулся.

– Жаль. Непременно скажите, если я могу что-то для него сделать. У меня есть и другие таланты, помимо разжигания огня. Итак, – старик подошел ближе и сел напротив сестер, – перейдем к делу. Меня интересует ваша жизнь. Не торопитесь. Вот чего я не терплю, так это скомканных историй. У нас тут прекрасный огонек в камельке. Мисс Саллоу скоро принесет нам чай. Иными словами, времени у нас столько, сколько нам нужно.

Он вытащил из кармана трубку, поднес к ней спичку, пару раз затянулся и выдохнул облачко сине-зеленого дыма. Самое удивительное, что этот дым не столько поднимался вверх, сколько расползлся в стороны, обнимая Кейт и Эмму и увлекая их за собой.

– Можете начать, когда захотите, – дружелюбно предложил старик.

Несколько мгновений Кейт молчала. Она не забыла, как после злополучной беседы с Лебединой леди мисс Крамли висела на телефоне, умоляя, грозя и торгуясь, лишь бы отыскать хоть кого-нибудь, кто согласится принять Кейт и ее брата с сестрой. А потом словно из ниоткуда появился доктор Пим. Почему? Чего ему нужно? Кейт ни секунды не сомневалась в том, что он забрал их к себе не случайно. Но зачем?

– Какие-то проблемы, милая?

Кейт напомнила себе, что сейчас главное – спасти Майкла. Поэтому она сделала глубокий вдох. Трубочный табак доктора Пима сладко пах миндалем.

– Десять лет назад, в сочельник, нас оставили в приюте Девы Марии...

Кейт собиралась кратко перечислить самые важные вехи их биографии, а потом извиниться и сказать, что они должны проведать брата. Но с ней случилось нечто странное. Прежде чем Кейт успела осознать, что происходит, они с Эммой принялись наперебой рассказывать доктору Пиму все подробности своей жизни: о том, что сестра Агата была очень добра к ним, но всегда курила в постели и однажды сожгла и себя, и весь приют Девы Марии; о том, что следующим сиротским домом заправлял очень жирный директор, который воровал всю хорошую еду для своей жирной семьи, так что у детей очень часто на ужин не было ничего, кроме черствого хлеба и нескольких ложек водянистого супа; они с Эммой говорили без умолку, перечисляя все свои приюты, всех детей, с которыми встречались, и то, как они упрямо отказывались признавать себя сиротами, потому что знали, что однажды мама и папа приедут за ними. Кейт едва заметила, как мисс Саллоу вошла в комнату, накрыла для них чай и бутерброды с джемом, а через какое-то время вернулась, чтобы забрать пустую посуду. Они с Эммой болтали наперебой, рассказывая такие вещи, которыми никогда ни с кем не делились: о том, какие воспоминания остались у Кейт о родителях, и о том, как они славно заживут все вместе, когда их папа и мама наконец вернуться. Эмма подробно описала доктору Пиму пса, которого они заведут – непременно черного с белыми отметинами, и звать его будут мистер Смит, и его никогда не будут учить никаким трюкам, потому что это гадко, – между прочим, все это было совершеннейшим сюрпризом для Кейт. Когда мисс Саллоу снова вошла в библиотеку, на этот раз с подносом сэндвичей, девочки перешли к рассказу о мисс Крамли и катастрофе с лебединой шляпой, о поезде, который вез их на север, о густом тумане над озером, и о том, как Абрахам ждал их в запряженной лошадью повозке, и что они впервые в жизни увидели такое чудо, и тут Кейт вдруг услышала, что мистер Пим взял слово.

– Ну и ну, вот это путешествие! Мы и не заметили, как пролетело полдня, вот так дела. Что ж, как ни приятно было провести с вами время у огонька, но я не смею вас дольше задерживать. Не сомневаюсь, что у вас есть более важные дела, чем развлекать старика.

Кейт показалось, будто она очнулась от сна. Она посмотрела на пустую тарелку, где только что лежали сэндвичи. Неужели они их съели? Она ничего не помнила. В камине все еще потрескивал огонь, но солнце уже переместилось за высокими окнами. Сколько же они просидели здесь?

– Мы непременно еще побеседуем с вами. Но сейчас я хочу предостеречь вас. – Доктор Пим подался вперед. – В этом мире есть места, непохожие на другие. Совсем как отдельные страны. Скажем, лес там, остров здесь, часть города...

– Горы, – выпалила Кейт.

– Да, – кивнул доктор Пим. – Порой и целая горная цепь. Кембриджский водопад и его окрестности относятся как раз к таким местам. В наши дни сам городок вполне безопасен. Но только не вздумайте углубляться в горы. Там вас подстерегают опасности, которых вы себе и представить не можете! В свое время я все вам объясню, но сейчас, надеюсь, мы поняли друг друга?

Он посмотрел на Кейт, и ей снова показалось, будто доктор Пим видит ее насквозь. Когда она кивнула, доктор снова откинулся в кресле и улыбнулся девочкам улыбкой доброго дедушки.

– Отлично! Кстати, я попросил мисс Саллоу приготовить нам что-нибудь особенное к завтрашнему ужину. Гуся, например. Сочельник есть сочельник!

– Что? – хором вскрикнули Кейт и Эмма.

– Хм, ну да. Разве вы не знаете? – Потом, словно внезапно озаренный какой-то мыслью, он пробормотал: – Ну да, разумеется. Вас ведь оставили в приюте как раз в сочельник? Значит, завтра будет... – старик замолчал, словно делал какие-то подсчеты в уме, – ...ровно десять лет с тех пор, как исчезли ваши родители.

Кейт ошеломлено уставилась перед собой. Неужели завтра в самом деле сочельник? Но как она могла об этом забыть? Казалось, будто они проговорили с доктором Пимом не несколько часов, а несколько дней!

Доктор Пим встал.

– Надеюсь, к завтрашнему дню ваш брат полностью поправится, и я буду иметь удовольствие познакомиться с ним. – Он проводил обескураженных девочек к дверям. – Кстати, вы сейчас идете к Абрахаму?

Кейт не стала спрашивать, откуда он это знает. Она просто энергично кивнула.

– Попросите его показать вам последнюю фотографию, которую он сделал. Уверен, вы найдете ее весьма любопытной.

С этими словами доктор Пим выпроводил сестер в коридор и закрыл за ними дверь.

Стоило Кейт и Эмме выйти из библиотеки, как в головах у них сразу же прояснилось.

– В чем дело? – спросила Эмма. – У меня как будто все мозги заплелись.

– У меня тоже.

– Думаешь, он нас заколдовал? Я наговорила ему такого, чего никогда никому не рассказывала. Как думаешь, это ничего?

В голосе Эммы Кейт ясно услышала тревогу. Она проверила свои ощущения. Ей было отлично известно, что чувствует человек, слишком широко распахнувший свою душу перед собеседником. Он испытывает стыд, сожаление и горячее желание взять свои слова обратно. Но сейчас Кейт не чувствовала ничего, кроме облегчения, словно ей вдруг позволили сбросить ношу, которую она несла так долго, что уже привыкла считать частью самой себя. Взираясь по винтовой лестнице в башню Абрахама, она чуть не пела от небывалой легкости. Кейт всем своим существом ощущала холодный сквозняк, гулявший по дому. Слышала песню далекой птицы. Скрип ступеней под своими ногами и шагами Эммы. И хотя перед ними стояла совершенно невыполнимая задача – ибо Кейт просто не представляла, каким образом она и ее одиннадцатилетняя сестра смогут вырвать Майкла из рук колдуньи и ее демонических солдат, – она чувствовала себя в сто раз лучше, чем утром.

– Да, – сказала она вслух. – Думаю, это ничего.

– Я тоже так считаю, – ответила Эмма. И Кейт увидела, что она улыбается.

Они не меньше двух минут колотили в закрытую дверь Абрахама, но им опять никто не ответил.

– Он всерьез начинает меня злить, – объявила Эмма.

Спустившись вниз, они наткнулись на мисс Саллоу, мывшую пол в главном зале.

– Я послала старого дурня за рождественским гусем для доктора. Наверняка он снова отправился в Уэстпорт. Вернется к ночи.

– Но нам нужно срочно поговорить с ним! – воскликнула Эмма.

– Да что вы говорите, ваше величество? Ну что ж, в будущем мы постараемся согласовать свои дела с вашим секретарем. Но пока этот благословенный день не настал, – с этими словами

старуха сунула швабру в руки Эммы и пододвинула Кейт ведро со щеткой, – вы обе можете принести хоть какую-то пользу!

И мисс Саллоу погнала девочек в огромную столовую, где, по ее словам, доктор Пим собирался устроить рождественский ужин. Это была гигантская комната, обшитая деревянными панелями, с длинным дубовым столом посередине. Над столом висели две кованые люстры, между которыми, словно мишура, протянулась паутина. Еще здесь был каменный очаг, да такой огромный, что в нем запросто поместилась бы кровать Кейт и Эммы. Но сейчас в очаге обосновалось семейство лисиц. Два каменных дракона, поддерживавших каминную доску, как и все в этой комнате, были густо покрыты пылью и копотью.

– Доктор Пим просил не тревожить лисиц, но все остальное должно к воскресенью сверкать, как в вашем Лувре.

– Это просто глупо! – пожаловалась Эмма, когда старуха ушла. – Мы должны помочь Майклу!

– Я знаю, – вздохнула Кейт. – Но мы все равно ничего не сможем сделать, пока Абрахам не даст нам новую фотографию.

Эмма проворчала что-то нечленораздельное, однако послушно согнулась и начала мыть шваброй пол. Кейт намочила щетку и взялась за первого дракона. Все время, пока девочки работали, два лисенка настороженно наблюдали за ними из глубины камина.

К ужину Абрахам так и не появился, поэтому Кейт и Эмма ели в одиночестве. Они сказали мисс Саллоу, что отнесут Майклу еду в комнату. Поднимаясь по лестнице, они не чувствовали и следа легкости, охватившей их после разговора с доктором Пимом. Они обе страшно устали и изнывали от тревоги.

Это была вторая ночь, когда девочки пытались уснуть, избегая смотреть на пустую постель Майкла. Они трое еще никогда не разлучались так надолго. Завтра, решила Кейт, они непременно спасут Майкла.

Посреди ночи она вдруг проснулась, задыхаясь от ужаса. Она вдруг поняла, что не проверила, здесь ли еще книга. Спрыгнув с кровати, Кейт полезла под матрас. С бешено колотящимся сердцем она стала шарить руками. Потом наткнулась на кожаный переплет и медленно вытащила книгу.

Луна стояла высоко, и ее серебристый свет, падая на постель, придавал изумрудному переплету книги какое-то потустороннее мерцание. Кейт открыла книгу в середине. Страницы были пусты. Она пробежала пальцами по листам; бумага была сухой и слегка волнистой от старости. Кейт бережно перевернула одну жесткую, хрустящую страницу. Пусто. Еще одну – тоже пусто. И еще. И еще. Все чистые. А потом, когда Кейт собиралась уже закрыть книгу, что-то произошло.

Она коснулась пальцами страницы, и вдруг в сознании ее сами собой возникли странные картины. Кейт увидела деревню на берегу реки. И башню. Женщину, стиравшую белье. Причем картинка не была неподвижной. Кейт видела, как бежит вода в реке, как ветер раскачивает ветки дерева. Ей даже показалось, будто она услышала далекий звон колокола.

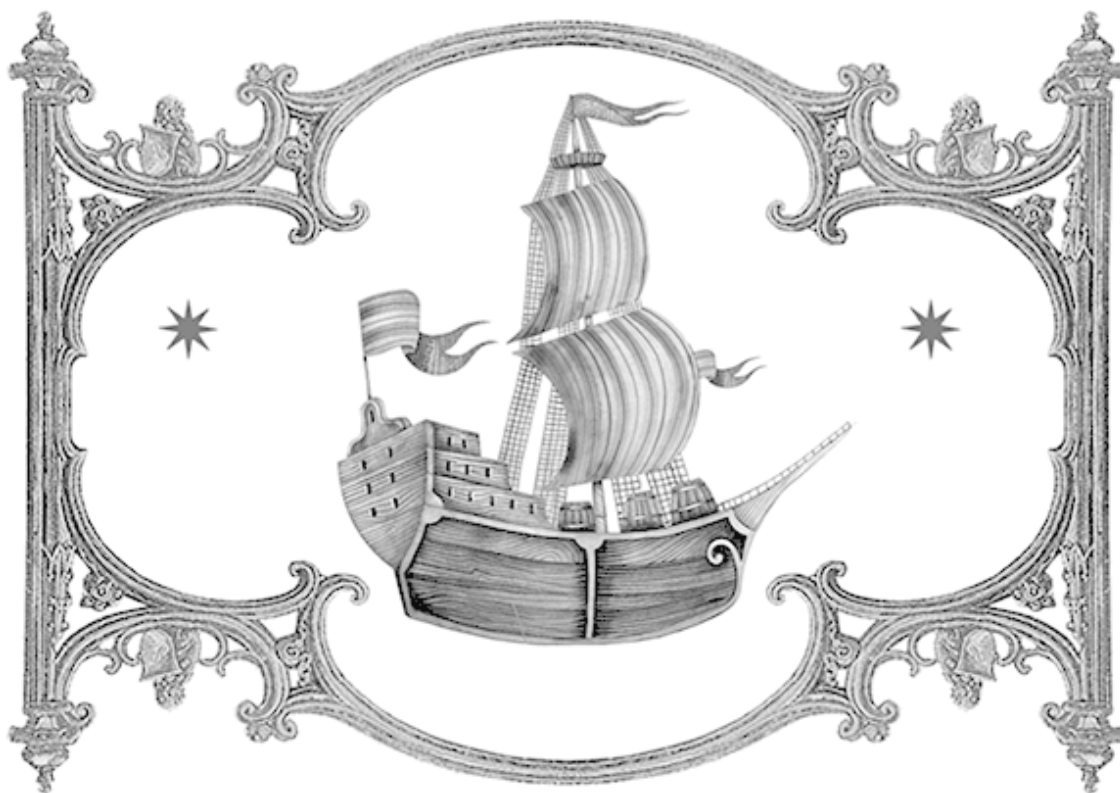
– Что ты делаешь? – пробормотала Эмма.

Кейт поспешно захлопнула книгу. И поглубже засунула ее под матрас.

– Ничего, – ответила она, забираясь под одеяло. – Спи.

Глава 6

Черная страница

На следующее утро мисс Саллоу первым делом загрузила девочек работой, а за выполнением заданий экономки и прятками от доктора Пима день пролетел незаметно, поэтому только к вечеру Кейт и Эмма наконец смогли очутиться у камина в комнате Абрахама, где, прихлебывая сидр, терпеливо выслушали жалобы старика на то, как далеко ему пришлось забраться в поисках пресловутого рождественского гуся.

– Нет, не подумайте, чтобы я жаловался, какое там! Я не меньше других люблю жирную гусятину, но разве ж это дело – посылать такого дряхлого старика, как я, обойти полстраны, да еще в такой студеной день, как вчера? Холодно было, ну прямо как в могиле. Как в двух могилах! Еще сидру?

Башенная комната Абрахама была идеально круглой, так что ее окна смотрели во все стороны сразу. Но главной достопримечательностью его жилища, не считая кругообразной формы, были стены, сплошь покрытые фотографиями. И стенами дело не ограничивалось. Здесь были кучи фотографий на полу, кучи фотографий под стульями, и лохматые кучи, сползавшие со столов. Здесь были сотни и тысячи фотографий – сплошь пожелтевших и выцветших от времени.

– В былые времена, – сказал Абрахам, когда девочки только вошли и зачарованно оглядывались по сторонам, – у меня была великая страсть к фотографированию. Наверное, все дело в том, что я родился колченогим и не годился для работы в рудниках. Но теперь все изменилось. Я уже много лет не брал в руки камеру.

Он наклонился вперед и подлил им сидра в кружки.

– У вас все в порядке? Что-то вы какие-то кислые. Надеюсь, вам не передалось то, что стряслось с вашим братцем?

– Мы в порядке.

По молчаливому уговору Кейт и Эмма не говорили друг с другом о том, что ровно десять лет тому назад, в такой же сочельник, их родители исчезли. Но утром, когда они одевались в своей комнате, Эмма вдруг без всяких объяснений крепко-крепко обняла Кейт. Почти целую минуту они молча стояли посреди комнаты, крепко вцепившись друг в друга.

– Значит, вы уже познакомились с нашим доктором. Он, знаете, не из Кембриджского водопада. Просто однажды появился сюда да и купил этот дом. Дай бог памяти, было это лет десять тому назад. И значит, нанял меня да старую Саллоу.

– Абрахам... – Кейт и Эмма заранее решили идти напролом: им нужны были ответы, а старый Абрахам был самым лучшим и самым безопасным способом получить их. – А вы... хм... вы нас помните? Из прошлого? В тот день, возле озера? Когда мы... ну... вроде как появились?

Кейт прекрасно понимала, что задай она этот вопрос двумя днями раньше, Абрахам просто не понял бы, о чем она говорит. Но с тех пор они с Эммой и Майклом совершили путешествие во времени. Значит, прошлое теперь изменилось. Следовательно, воспоминания Абрахама тоже должны были измениться. Так и получилось – не успела она закончить свой вопрос, как старик заулыбался.

– Помню ли вас? Как трое юнцов вдруг – прыг! – и выскочили, будто из ниоткуда? Ну, знаете, такое не забывается. Как только я увидел, как вы вылезаете из лодки – позавчера то есть, так сразу сказал себе: Абрахам, старина, это ж те самые ребятки, что явились как будто из ниоткуда пятнадцать лет тому назад, и глянь-ка – ничуть не повзрослели. Это хорошо, что вы, наконец, сознались, а то я уж стал бояться, что умом тронулся. – Абрахам придвинулся к девочкам. – Я так понимаю, что вы все сообразили, да? Поняли всю правду о Кембриджском водопаде?

Кейт отрицательно помотала головой.

– Нет. Потому мы и пришли к вам.

– Шутите над стариком! Хотите, чтобы я поверил, будто двое детей, которые скачут туда-сюда по времени, что твои зайцы, не догадались, в какое место попали?

– Мы думали... То есть мы заподозрили, что здесь нечто странное...

– Странное? Еще бы! Мягко сказано.

– А доктор Пим, он...

– Что он, мисс?

– Он... – Кейт замялась, не в силах выговорить это слово.

К счастью, терпение Эммы подошло к концу.

– Он волшебник?

– Ш-ш-ш-ш-ш-ш! – Абрахам пододвинул свое кресло еще ближе и жестом велел девочкам говорить тише. – Не стоит объявлять это всему Уэстпорту! – Он подмигнул и усмехнулся. – Но вы попали в точку. Этот человек – волшебник, клянусь жизнью.

Кейт поставила свою кружку на пол. У нее слишком сильно дрожали руки.

– Но вы-то как об этом узнали? Разве он какое колдовство творил?

– Он наколдовал огонь, – сказала Эмма.

Абрахам понимающе кивнул.

– Да, уж на что наш доктор умный человек, а вот огня по-человечески не сумеет развести, даже если от этого его жизнь будет зависеть. А теперь скажите, вы-то сами тоже колдуньи? – На лице старика появилось встревоженное выражение. – Потому что коли так, то хочу сразу сказать, я к вашему сословию всегда относился по-дружески, поэтому не стоит превращать меня в козла или награждать второй задницей...

– Мы не колдуньи, – заверила его Кейт.

– Да, – подтвердила Эмма. – Мы всегда думали, что магия – это просто очередной вздор, о котором вечно болтал Майкл.

– Вот как? – переспросил Абрахам, потирая бороду. – Значит, вы и не знали, что магия существует на самом деле?

– Но в этом нет ничего удивительного, – ответила Кейт. – Большинство людей этого не знают.

– Даже Майкл, – вставила Эмма. – А он у нас на всю голову чокнутый.

– Но тогда каким же чудом вы попали?..

– Мы все вам расскажем, – заверила старика Кейт. – Но вы тоже должны рассказать нам про Кембриджский водопад. Всю правду.

Абрахам долго смотрел на них, потом вздохнул.

– Ладно. Сдается мне, это уже все равно никакая не тайна. Но мне потребуется моя трубочка. – Он вытащил трубку, плотно утрамбовал табак большим пальцем и поджег лучинкой из очага. – Значит, прежде всего вам надо знать, что магический мир издревле был крепко-накрепко переплетен с обычным. Вот так. – Абрахам сцепил вместе свои узловатые пальцы. – И так было тысячи лет, не меньше. До тех пор, пока люди – обычные, то есть, люди – не начали плодиться да распознаться, настраивая кругом свои города да городишки. В конце концов, магический народ понял, что человечество не остановишь. И начали они тогда выделять для себя отдельные территории и делать их невидимыми для людей, так что туда ни за что не попадешь, коли пути не знаешь. Вот таким образом целые куски стали пропадать с карты, будто их и не было. И продолжалось так не меньше столетия, а то и еще дольше. И наконец, в последний день декабря 1899 года все, что осталось от магического мира, вдруг взяло да исчезло. Фьють!

– Но ведь, – перебила Кейт, – это было не так давно! Люди бы запомнили!

– Мы толкуем об очень сильной магии, девочка. Людей заставили забыть. И про исчезнувшие острова, и про леса. И про то, что магия вообще когда-то существовала. Да что там говорить, вся мировая история была переписана заново! Но беда в том, что некоторые человеческие города тоже зацепило в процессе. Кембриджский водопад – как раз такой городок. Я, мисс Саллоу и прочие местные всю свою жизнь живем бок о бок с магией. В лучшие времена даже вели кое-какие дела с магическим народом. Но при этом мы – люди, такие же, как вы. Не то что те, которые там. – Старик указал трубкой куда-то на окно. – В этих горах такое творится – вы не поверите!

Абрахам наклонился к девочкам:

– А теперь ваша очередь, дорогие мои. Если вы не колдуньи, то откуда взялись в тот день, пятнадцать лет назад?

Девочки переглянулись. Они боялись, что если расскажут старику про книгу, то тот потребует немедленно вернуть ее доктору Пиму. Но как тогда они смогут спасти Майкла?

– Мы наврали, – сказала Эмма. – На самом деле мы колдуньи. Мы просто хотели проверить, как много вы знаете. Поздравляем. Вы прошли испытание.

Кейт подумала, что это вранье шито белыми нитками, но Абрахам лишь кивнул, словно с самого начала подозревал нечто подобное.

Ну и ладно, решила Кейт.

– Абрахам, – сказала она. – Нам нужны старые фотографии. Из того времени, когда... она была тут.

Несмотря на веселый огонек в камине, в комнате вдруг стало холодно.

Абрахам опасливо понизил голос:

– Вы говорите про Графиню, верно? Но что вам от нее нужно? Это были темные времена. Лучше навсегда забыть о них.

– Пожалуйста, нам очень-очень нужно!

– А если вы не дадите нам фотографии, мы превратим вас в жабу! – Эмма, сощурившись, уставилась на Абрахама и пошевелила пальцем. Старик тут же вскочил, бросился к сундуку, стоявшему у стены, открыл его и принялся рыться в содержимом.

Кейт укоризненно посмотрела на Эмму.

Та пожала плечами.

– Зато теперь он нам все даст.

Абрахам вернулся с толстой кожаной папкой, набитой фотографиями.

– Она назначила меня своим официальным фотографом. Тщеславная была – страх! Вечно твердила, что мой долг заключается в сохранении ее красоты для потомков. – Старик фыркнул и протянул Кейт папку. – Забирайте. Я даже рад избавиться от них.

Кейт заглянула внутрь. В папке были сотни фотографий. Несомненно, они сумеют отыскать среди них такую, которая перенесет их к Майклу, где бы он сейчас ни находился.

– Абрахам, а кто она такая, эта Графиня? Это из-за нее Кембриджский водопад стал таким, как сейчас?

Судя по лицу Абрахама, ему очень не хотелось отвечать на этот вопрос, но Эмма грозно сощурилась, и старик покорно поднял руки:

– Хорошо, хорошо, я расскажу вам все, что знаю. Только сразу говорю: я понятия не имею, кто она такая и откуда взялась. Она просто появилась в нашем городке с пятьюдесятью упырями. Крикунами, как их детишки прозвали. Да что объяснять, вас же тоже один такой поймал возле озера, так что сами знаете, какие они жуткие, проклятушие создания. – Бревно громко зашипело и затрещало в камине, и Абрахам прервался, чтобы пошевелить огонь кочергой. Когда он снова вернулся к рассказу, то заметно понизил голос. – Летом дело было. В ясный денек. На небе ни облачка. Почти все наши мужчины работали в рудниках. Это в горах, в двух часах ходьбы отсюда. Иными словами, в городке оставались только женщины да ребятишки. Ну и я, из-за ноги своей, значит. – Одной рукой Абрахам безотчетно погладил себя по хромо́й ноге. – Я был в доме у двоюродного брата, когда вдруг услышал этот крик. В жизни своей ничего подобного не слыхивал. Просто дух вон. Я выбежал из дому и увидел, как один из этих упырей гонится за мальчишкой по улице. Не успел я и рта раскрыть, как он схватил его и поволок куда-то. Я, значит, за ним, на площадь. Вы не поверите, что я там увидел! Повсюду ребятишки. И эти, значит, Крикуны. В руках у них мечи, и они матерей отпихивают, отгоняют прочь от деток. А потом я увидел золотые волосы, так и сиявшие среди черных фигур этих могильных тварей. Она что-то сказала, и чудища погнали детей, как овец, вниз к ущелью и через мост. Я пошел следом вместе с женщинами, а те и выли, и кричали, и...

Абрахам вдруг замолчал и посмотрел на Кейт.

– С вами все в порядке, мисс?

– Ты вся побелела, – сказала Эмма.

– Я... все хорошо, – пролепетала Кейт. – Продолжайте, прошу вас.

Но ей не было хорошо. Она думала о детях, о том, как они были напуганы и как она бросила Майкла в руках у этих чудовищ...

– Пожалуйста. Я в порядке.

Абрахам кивнул и отхлебнул сидра.

– Так вот, значит, в ту пору в этом большом доме жил старый мистер Лангфорд. Коротышка был, что твой обрубок. И при этом богачей из богачеев, маленький мерзавец. Его семья испокон веков владела рудниками. Значит, выходит он на крыльцо, а тут она идет, чудища ее и толпа ревущих ребятишек. Он и спрашивает, что она себе думает, это же частное владение, и так далее и тому подобное, и тут она вдруг хихикнула, и разрази меня гром, коли совру, один из ее упырей взял да и разрубил нашего мистера Лангфорда напополам. Да, зрелище было... Только что он стоял на крыльце и говорил ей убираться прочь. А в следующее мгновение от него остались две половинки. Честно сказать, у нас никто особо не любил мистера Лангфорда,

спесивый был человечиска, но все ж ужасный конец принял. Как сейчас вижу, рот у него все еще шевелился, когда верхняя половинка туловища грянулась рядом с нижней.

Кейт и Эмма оцепенели, едва дыша. Абрахам снова пошевелил огонь в очаге, он весь ушел в прошлое.

– Мы, конечно, послали гонцов в рудники. Но когда наши вернулись, была уже ночь. Мы взяли факелы и столько оружия, сколько могли унести, и перешли мост. – Абрахам невесело рассмеялся. – О чем мы только думали? Какие из нас вояки? А она была злая колдунья с целой сворой дьявольских воинов. Гиблое дело. – Абрахам покачал головой. – Она сошла на несколько ступенек и встретила нас. С ней было трое Крикунов. Да только Крикуны ей были ни к чему, она лишь ручку подняла, вот так, – Абрахам поднял ладонь, – и мы все остановились. И тогда она сказала нам своими нежным звонким голосом: «Ваши дети в доме, и я держу лезвие у их горла. Они будут мертвы прежде, чем вы войдете внутрь». Ах, какая жуткая тогда настала тишина! Ни одна душа не шелохнулась. Я помню, что две половинки мистера Лангфорда все еще лежали на крыльце, а она стояла и смотрела на нас, такая жуткая и прекрасная в свете факелов. И она сказала нам, что в горах спрятано что-то, что ей нужно. И если мы найдем это что-то, она вернет нам детей.

– И что вы сделали? – еле слышно выдохнула Эмма.

– А ты как думаешь, девочка? Мужчины отправились в горы под охраной целого отряда упырей. Женщины вернулись в город, а она осталась в доме с детьми.

Целую минуту никто не говорил ни слова. Тишину нарушало лишь шипение и потрескивание огня в камине. Кейт только теперь заметила, что так сильно впиалась в папку, что у нее онемели руки. Она медленно разжала их, по очереди разгибая сведенные пальцы.

– И никто никогда не пытался с ней сразиться? – наконец спросила Эмма.

– Как же, пытались некоторые. Видишь ли, лишившись и жены и деток, мужчина может махнуть на все рукой и обезуметь от ненависти.

– И что с ними случилось?

– У нее был корабль. Она устроила на нем плавучую тюрьму для всех смутьянов. По ночам над озером разносились вопли. – Абрахам содрогнулся. – У нас поговаривали, будто она там что-то делает с пленниками. Страшные вещи.

Кейт вспомнила, что когда они были в прошлом, то на середине озера действительно виднелся огромный черный корабль. Наверное, тот самый.

– Но что она искала?

– Она никогда прямо не говорила об этом. Только слухи ходили.

– Какие слухи?

Абрахам понизил голос до шепота.

– Люди говорили, будто это какая-то книжка. Великая магическая книжка, давным-давно похороненная в этих горах. Только вообразите, – старик зашептал так тихо, что девочкам пришлось изо всех сил напрячь слух, – какая жуткая и страшная должна быть эта вещь, коли ее спрятали вдали от всех людей!

Кейт посмотрела на Эмму. Темные глаза сестры стали круглыми от удивления. Они подумали об одном и том же. Что, если Графиня разыскивала их книгу? Но они нашли ее не в горах, а в доме. Значит, этого не могло быть.

– И чем все закончилось? – спросила Эмма.

Абрахам покачал головой.

– Нет, я сказал вам все, что мог сказать. Можете превратить меня в тритона. О некоторых вещах лучше никогда не говорить.

– Пожалуйста! – взмолилась Кейт. – Мы должны знать, что случилось с детьми. – И она выложила старику то, что все время грызло ее изнутри: – Она забрала нашего брата.

– Что?

– Он не болен. Мы бросили его там. В прошлом... Я бросила.

– Бог ты мой! – Абрахам закрыл лицо рукой, усыпанной старческой гречкой. – Да, теперь я вспомнил. Я ведь постарался как можно прочнее забыть то время, но теперь ясно вспомнил вашего брата. – Он покачал головой. – Нет, я не могу вам рассказать. И не просите. Мне очень жаль. Идите к доктору Пиму. Он единственный, кто можем вам помочь. Простите...

Он начал вставать, но Кейт схватила старика за рукав:

– Но хотя бы покажите нам свою последнюю фотографию! Пожалуйста!

Старик несколько раз моргнул, явно озадаченный этой просьбой. Потом дохромал до стола, отпер ящик и вытащил одну очень старую фотографию. Трясущимися руками Абрахам протянул ее Кейт.

Карточка была темной и нечеткой. Судя по всему, на ней была запечатлена группа женщин, бегущих вдоль края ущелья. Многие из них несли факелы. Но несмотря на плохое изображение, Кейт и Эмма сразу почувствовали страх и тревогу, которыми были охвачены женщины.

Хлопнула дверь. Девочки подняли головы и увидели, что Абрахам уже поднялся по винтовой лестнице в свою спальню и закрыл за собой дверь.

– Идем, – сказала Кейт. Она положила фотографию в карман, и девочки вышли из башни.

Они спустились на кухню, поскольку был уже вечер, а они с завтрака ничего не ели. Мисс Саллоу жарила гуся в плите и была так поглощена подготовкой к ужину, что даже позабыла разбранить девочек за пропущенный обед. Кейт и Эмма поспешно взяли хлеб, сыр и салями и скрылись в своей комнате.

Абрахам был прав в одном: Графиня оказалась тщеславной особой. Девочек ожидала куча фотографий Графини в вечерних туалетах. Графиня в драгоценностях. Графиня на корабле. Графиня, играющая в бадминтон со своим странным секретарем. Обычно она смотрела в камеру с напускным смущением, словно фотограф застал ее врасплох. Но при этом всегда поворачивалась к нему левым профилем.

– Ты только взгляни на нее. – Эмма сидела на полу среди россыпи фотографий, держа в руках карточку, на которой Графиня кокетливо вертела в руках кружевной зонтик от солнца. – Я же говорила, что она воображала! – Она швырнула фотографию в растущую кучу в углу.

Кейт сортировала карточки на кровати, и всякий раз, когда ей попадалось изображение Крикуна, она поспешно откладывала фотографию в нижнюю часть кучи. Все эти два дня она старательно гнала от себя мысли о том, что сейчас творилось с Майклом. Это было необходимо, чтобы продолжать действовать. Но после того как она выслушала рассказ Абрахама и увидела фотографии мерзких существ в полуистлевших черных одеждах, с длинными зазубренными мечами, смертельный страх за брата переполнил ее сердце. Наткнувшись на фотографию особенного страшного Крикуна, Кейт, не в силах справиться с тревогой, безотчетным движением отодвинула от себя всю кучу.

Эмма фыркнула и бросила в угол еще одну фотографию.

Книга лежала возле колена Кейт, и девочка рассеянно погладила изумрудный переплет. Она задумалась о картинах, привидевшихся ей прошлой ночью. Вообразила она себе все это или нет? Кейт наугад открыла книгу и прижала пальцы к чистой странице. Результат не заставил себя ждать. Кейт ясно увидела перед собой городок, раскинувшийся по берегам реки. Только теперь он разросся. В нем появились каменные улицы и крепостная стена. И рынок. Она увидела снующих туда-сюда мужчин и женщин. И услышала гул их голосов.

Перелистнув страницу, Кейт снова прижала пальцы к листу. На этот раз она увидела огромную армию, маршировавшую по дороге, и клубы пыли, поднятые сандалиями солдат. Она услышала звяканье копий о щиты и ритмичную дробь барабана. Вдали, за строем, Кейт разглядела горящий город. Тихо ахнув, она поспешно пролистнула сразу несколько страниц. Армия исчезла. Теперь перед Кейт оказалось море и целая флотилия кораблей. Они качались

на волнах, и паруса хлопали на ветру. Кейт слышала крики матросов, хлесткий свист канатов, чувствовала, как деревянный остов корабля распирает от сокровищ, вывезенных из дальних островов. Кейт перевернула еще несколько страниц. На этот раз она увидела толпу разбегающихся людей и двух драконов, черного и красного, сражавшихся друг с другом в небе над городом, изрыгая столбы пламени. Еще страницы. Рыцарь в доспехах рвется в пещеру, откуда с шипением выползает чудище с длинными, чешуйчатыми лапами. Перевернув еще дюжину страниц, Кейт увидела воздушный шар, наполненный горячим воздухом, поднимающийся в небо под аплодисменты женщин в длинных платьях и мужчин в белых соломенных шляпах. Следующая страница. Город, полный старомодных автомобилей. Кейт забралась куда-то в глубь книги. И стала ждать. Но ничего не происходило. Она с удивлением посмотрела на пустую страницу. Внезапно в самом центре листа появилась маленькая черная точка. На глазах у Кейт точка начала расплзаться, как чернильное пятно. Внезапно вся страница стала черной. В следующее мгновение Кейт с ужасом увидела, что чернота поползла на ее пальцы.

– Кейт!

Эмма смотрела на нее сверху вниз. Кейт поняла, что лежит на спине.

– Что случилось?

– Ты орала.

– Что ты мелешь? Я не кричала.

– Еще как кричала, – ответила Эмма. – И вроде как в обморок упала.

Она помогла сестре сесть. Кейт искоса посмотрела на книгу. Страница снова стала чистой.

– Что случилось? – спросила Эмма.

– Ничего. – Кейт протянула руку и захлопнула книгу.

– Ну да, конечно. Ладно, смотри, что я нашла. – Эмма протянула ей фотографию.

Крик вырвался из горла Кейт. С выцветшей чернобелой карточки, из прошлого, на нее смотрел Майкл. Он был один, на заднем плане виднелся угол большого дома. А в руках Майкл держал листок, на котором было написано от руки: «Помогите мне!»

Кто-то подергал дверь снаружи.

– Это еще что такое? Кто запер эту дверь?

Это была мисс Саллоу.

– Быстрее, – прошипела Кейт. Они поспешно расчистили место на постели, и Кейт пододвинула к себе книгу. – Только не забудь держаться за меня!

– Бойтесь, что кто-то прокрадется в ваши покои и похитит драгоценности французской короны? А ну отпирайте немедленно!

Кейт схватила фотографию Майкла и открыла книгу. Страницы вновь оказались пустыми. Сердце ее забило быстрее.

Она знала, что должна сделать это прямо сейчас и очень быстро, пока не струсила.

Кейт опустила карточку.

– Стой! – схватила ее за руку Эмма.

– Что ты делаешь? Мы должны...

– Нам нужна фотография, чтобы вернуться обратно!

У Кейт оборвалось сердце. Она едва не отправила их в прошлое без возможности вернуться обратно! Эмма поспешно схватила фотоаппарат Майкла, навела его на Кейт и нажала на кнопку. Через мгновение «Полароид» выплюнул карточку.

– Неужто королевские уши оглохли? Гусь готов, а доктор Пим послал меня пригласить ваши величества. Включая дофина, неважно, здоров он или болен! Так что *ouvrez la porte*⁴, иначе я за себя не отвечаю!

⁴ Открывайте дверь (*фр.*).

– Секундочку! – крикнула Кейт, стараясь говорить как можно небрежнее. – Мы сейчас выйдем!

Эмма подула на сырую фотографию и сунула ее в карман.

– Давай, – объявила она, хватая сестру за руку.

Они слышали, как мисс Саллоу что-то бормочет за дверью, перебирая связку ключей, висевшую у нее на поясе.

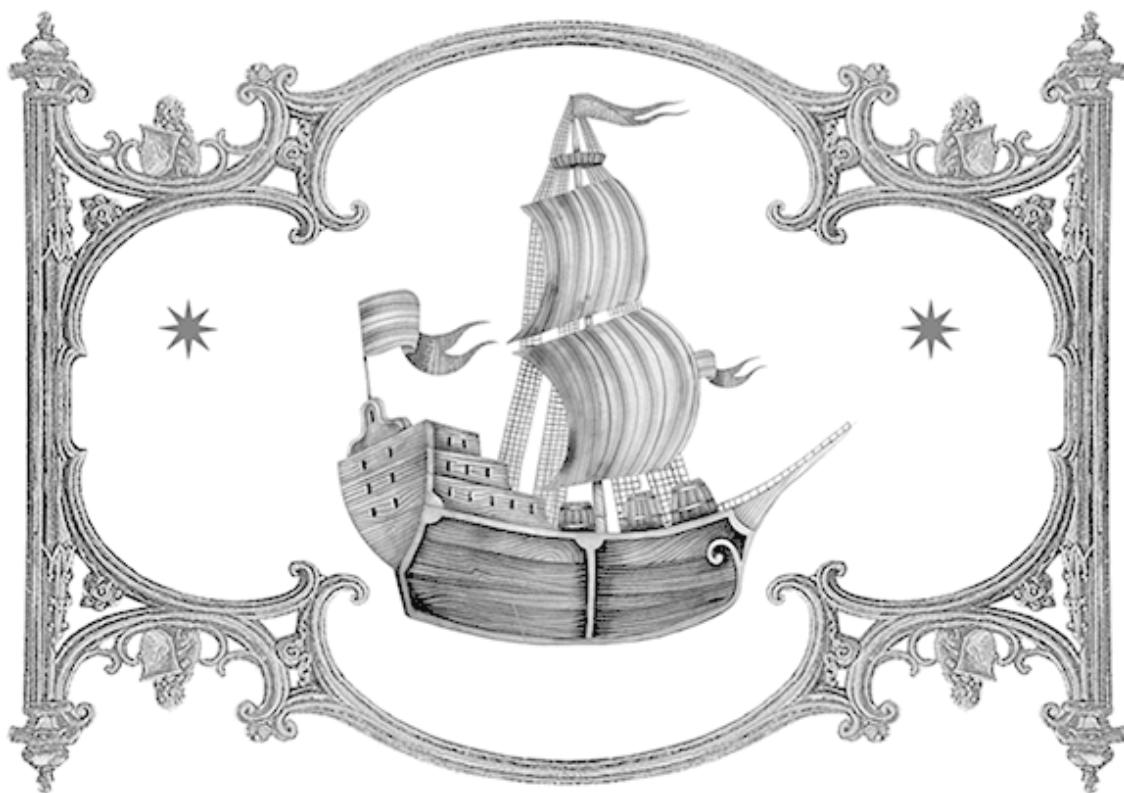
Кейт замерла, держа фотографию над чистой страницей. Она снова почувствовала, как тьма выползает из книги, грозя захлестнуть ее.

– В чем дело? – спросила Эмма.

Глубоко вздохнув, Кейт подумала о Майкле и положила фотографию на страницу.

Глава 7

Гости Графини

– Я так виновата, – говорила Кейт в шестой или седьмой раз. – Мне так жаль...

Перенесшись в прошлое, Кейт и Эмма опрометью бросились к Майклу и едва не сбили его с ног своими объятиями. Они спрашивали, все ли с ним в порядке, долго ли он протомился в плену и не обижала ли его Графиня. Эмма пригрозила, что Майклу достаточно слово сказать, и она своими руками прикончит эту выскочку.

Был ранний вечер. Они стояли в двадцати ярдах от дома, на краю густой сосновой рощи, вздымавшей корявые ветки к темневшему небу.

– Да, со мной все в порядке, – повторял Майкл. – Прошло всего несколько дней, подумаешь. Эй, вы меня задушите!

Майкл с усилием вырвался из сестринских объятий, но Кейт продолжала так крепко держать его за руки, что было совершенно ясно – больше она никуда его не отпустит. В глазах у нее стояли слезы.

– Мы не хотели тебя бросать. Я думала, ты дотронулся до меня. Я бы никогда...

– Слушайте, – перебил Майкл, поправляя свои очки, – у нас сейчас нет времени на все эти разговоры. То есть я, разумеется, вас прощаю и все такое. Но сейчас нам надо поскорее уходить отсюда. Меня, наверное, уже ищут. Дайте-ка мне книгу.

Кейт на мгновение помешкала – она сама не могла объяснить себе почему – а потом протянула ему книгу.

– Простите?

Кейт обернулась. Абрахам стоял у них за спиной, нервно вертя в руках свой фотоаппарат. Она даже не заметила, как он подошел.

– Знаете, мне все равно, что вы появились прямо из ниоткуда или как там это у вас называется, но если вы не возражаете, то я просто пройду мимо, можно? Вот так, я просто... – И прежде чем они успели рты раскрыть, Абрахам быстро-быстро захромал через рошу.

Снова обернувшись, Кейт увидела, что Майкл даже головы не повернул в сторону Абрахама. Он лихорадочно листал книгу. И тут у нее в голове созрел вопрос:

– Как тебе удалось убежать от Крикунов? Разве они не держали тебя вместе с другими детьми?

– И как ты снова разыскал Абрахама? – спросила Эмма. – Или он сам по себе тут бродит? Майкл резко захлопнул книгу.

– Вы должны довериться мне. Что бы ни случилось, все будет хорошо, поняли?

– Что ты такое говоришь? – переспросила Кейт. – Нам нужно поскорее убираться отсюда! – Она уже хотела попросить Эмму достать фотографию, которую та сделала в спальне, как вдруг за спиной у них кто-то захихикал.

При звуках этого смеха у Кейт возникло ощущение, будто струйка холодной воды пробежала у нее между лопаток.

Секретарь Графини вышел из-за ближайшего дерева. Он был одет все в тот же пиджак в мелкую полоску, который красовался на нем в памятный день на плотине, но Кейт заметила, что теперь этот пиджак был весь в прорехах и сальных пятнах. Секретарь улыбался, скаля узкие серые зубы. На плече у него сидела маленькая желтая птичка.

– Ах, как чудесно-чудесно-чудесно! – Голос у секретаря оказался высокий, с визгливыми истеричными нотками. – Графиня будет так счастлива, так счастлива!

– Я же вам говорил, что они вернутся за мной, – сказал Майкл.

Кейт решила, что она бредит. Это было невозможно. Майкл бы никогда не предал их. Но пока она убеждала себя в этом, из-за деревьев вышли два одетых в черное Крикуна.

Подойдя к дому, секретарь крикнул Крикуну, стоявшему на страже, чтобы тот открыл им дверь. Но темная фигура даже с места не сдвинулась, поэтому секретарю пришлось самому отворить двери, ворча себе под нос, что это просто вопиющее неуважение и что Графине непременно все будет рассказано.

Он повел детей по запутанным коридорам. Несколько раз Майкл порывался заговорить с сестрами, но Эмма останавливала его таким свирепым взглядом, что он снова замолкал. Очки у Майкла были погнуты, на щеке краснел отпечаток ладони. Едва Крикуны вышли из-за деревьев, как Эмма вихрем налетела на Майкла и опрокинула его на землю. Она молотила его кулаками, называла предателем и крысой и вопила, что у нее больше нет брата. Внезапное нападение Эммы заставило Майкла выронить книгу. Кейт и секретарь одновременно наклонились за ней. Несколько мгновений они молча рвали добычу из рук друг у друга. Но борьба закончилась, когда один из Крикунов с силой ударил Кейт сзади по голове. Оглушенная, она лежала на траве и смотрела, как другой Крикун оттаскивает от Майкла визжавшую и брыкавшуюся Эмму.

Голова у Кейт до сих пор пульсировала болью. Однако это не помешало ей отметить разительные перемены в особняке. Окна и зеркала сверкали чистотой. Свет свечей отражался в натертых до блеска полах. Вся мебель была целой, с нетронутой обивкой, и ни один из предметов обстановки не служил жилищем для семейства грызунов. Конечно, Графиня была злой колдуньей, однако она могла бы дать мисс Саллоу пару уроков ведения домашнего хозяйства.

Кейт взяла сестру за руку. Лицо Эммы превратилось в застывшую, залитую слезами маску.

– Это не Майкл, – прошептала Кейт. – Это все ведьма. Она заколдовала его. Майкл тут ни при чем. Не забывай – это не Майкл.

Эмма кивнула, но слезы продолжали безостановочно катиться у нее по щекам.

Секретарь остановился перед двумя створками дверей в тускло освещенном коридоре. Кейт знала, что они стоят перед бальной залой. Она живо представила себе валявшиеся на полу и оплетенные паутиной канделябры, наполовину обрушившийся балкон и выбитые стекла в окнах.

– Стойте здесь, – приказал секретарь Крикунам; их желтые глаза зловеще светились в полумраке.

Кавендиш наклонился к детям. Он был немногим выше Кейт, изо рта у него сильно разило луком. Пожалуй, он был самым отталкивающим существом, которое она когда-либо встречала в жизни.

– Послушайтесь моего совета, пташки, не гневите Графиню. Вы ведь не хотите отправиться на корабль, верно? Нет, пташки не хотят на кораблик, совсем не хотят... – Он улыбнулся им своей серозубой улыбкой.

– Вы бы лучше зубы почистили, – буркнула Эмма. – Хотя бы раз в год.

Кавендиш сжал губы и нахмурился. Потом дернул головой, приказывая детям следовать за ним, и открыл двери.

Это было все равно что войти в сон. Кейт и Эмма несколько раз моргнули, ослепленные светом, а потом снова заморгали, не веря своим глазам. Сотни пар скользили по паркету, кружась и поворачиваясь под звуки вальса, исполняемого оркестром из тридцати музыкантов. Кейт нашла глазами дирижера, который размахивал руками, с отцовской гордостью поглядывая на танцоров. Часть мужчин была во фраках, их длинные фалды лихо развевались, когда танцоры кружили своих партнерш. Другие кавалеры были затянуты в мундиры, опоясанные красными и синими шарфами, с блестящими золотыми орденами на груди. Женщины щеголяли в платьях, расшитых рубинами, жемчугом и изумрудами. Бриллианты сияли на обнаженных шеях, преломляя свет тысяч свечей, горевших в канделябрах. Слуга в зеленой ливрее и длинных белых чулках прошел мимо детей, обнося шампанским пожилых мужчин и женщин, стоявших вдоль стен.

– Ждите здесь, пташки, – прошипел Кавендиш. – Графиня подойдет, когда пожелает.

В тот же миг Кейт увидела золотоволосую головку, сиявшую в самом центре танцующих. У Графини была белая, как снег, кожа, и алое, как кровь, платье. Бриллианты, закрывавшие ее шею и грудь, сверкали так ярко, словно это они одни освещали весь огромный зал. Графиня танцевала с атлетически сложенным молодым военным, у которого были такие густые каштановые усы, каких Кейт никогда в жизни не видела. Вот Графиня сказала что-то, и молодой человек с поклоном сделал шаг назад. Присев в неглубоком реверансе, Графиня подобрала подол своего алого бального платья и стала пробираться сквозь толпу к дверям, где стояли дети и извивавшийся в нетерпении Кавендиш.

Лицо Графини покраснело от жары и танцев, глаза сверкали, как звезды. Глаза у Графини были бархатисто-синие, почти фиолетовые, и когда их взгляд остановился на Кейт, та вдруг почувствовала себя самой счастливой на свете.

– Ах, и ты здесь? Моя прелестная Катерина! – Графиня схватила Кейт за руки и, прежде чем та успела опомниться, расцеловала в обе щеки. Пары дурманящим фоном продолжали кружиться за спиной прелестной Графини. – Ты умница, прибыла как раз к балу! Сегодня здесь собрались все сливки Санкт-Петербурга. Сам царь обещал подъехать чуть позже, но он, разумеется, не придет, такой истукан! А теперь скажи мне, милая, – Графиня теснее приблизилась к Кейт и прошептала: – Что ты думаешь о кавалере, с которым я только что вальсировала?

Молодой человек, о котором шла речь, вышел из круга танцующих и присоединился к двум другим офицерам. Он держался прямо, словно шомпол проглотил, засунув одну руку за шарф, а другой поглаживая свои усищи.

– Капитан Алексей Марков из третьего гусарского полка, – сообщила Графиня, заговорщически понизив голос. – Знаю, душечка, он до смешного гордится своими усами, и все-таки

он красивое животное, не находишь? У нас с ним будет краткая интрижка, но все закончится не очень хорошо. – Графиня скорбно нахмурила бровки. – Алексею не терпелось похвастаться победой в своем клубе, поэтому мне пришлось убить его, а заодно и всю его семью. Он просто не оставил мне выбора!

Кейт улыбнулась Графине и тут же поймала полный ужаса взгляд Эммы. Этот взгляд подействовал на нее, как отрезвляющая пощечина. У Кейт бешено заколотилось сердце, и она вырвала свою руку из рук Графини.

Даже если Графиня заметила это, она не сказала ни слова. Она указала веером на задремавшего в креслах ветхого старичка с белыми бакенбардами. Грудь старика украшала такая внушительная коллекция орденов, что беднягу кренило на один бок. Кейт даже испугалась, как бы он не рухнул на пол под тяжестью наград.

– Полюбуйся на моего дражайшего супруга! – сказала Графиня, перекрикивая игру оркестра. – Настолько мерзок, что словами не передать, правда? А ты знаешь, что когда мы поженились, мне было шестнадцать лет и меня считали первой красавицей в России? Давай прогуляемся по залу, не возражаешь?

С этими словами Графиня устремила в сторону гостей, а Кавендиш, все еще прижимая к груди книгу, пихнул Кейт в спину, приказывая следовать за Графиней.

– Нет, я не отрицаю, – продолжала Графиня, двигаясь сквозь толпу и кивая людям с обеих сторон, – что были такие, кто восхвалял Наташу Петровских, эту квелую квашню с водянистыми коровьими глазами. Разумеется, это было до того ужасного случая, когда ей плеснули кислотой в лицо. Бедняжка, я слышала, она умерла в сумасшедшем доме, где-то в Венгрии. Под конец совсем спятила, страдала, говорят, все бредила о какой-то ведьме. – Графиня захихикала, прикрыв рот веером, и послала Кейт лукавый взгляд, говоривший: «Ну, разве я не вредина?» – Так о чем я говорила? Ах да, о моем муже. Когда я вышла за графа, все говорили, что он не проживет больше полугода. Думаю, излишне упоминать о том, что в мои планы не входило терпеть его даже до конца этого срока? Но кто бы мог подумать, что старый осел проскрипит еще целый год? Честное слово, он пережил не меньше пяти моих попыток отравить его! Никогда не выходи за человека, привередливого в еде, дорогая. С ними одни хлопоты.

Никто из гостей не обращал ни малейшего внимания на детей. При приближении девочек, Майкла или даже секретаря безукоризненно одетые люди просто отходили в сторонку, даже не глядя на них.

Графиня весело хохотнула.

– В конце концов, я пошла к колдунье и купила эликсир из пчелиного корня, воска амбры и ивового дыхания. Моему бедному мужу не нужно было даже глотать эту гадость. Он просто вдохнул пары эликсира во сне и на утро был мертв, как бедный крестьянин лютой зимой, оставив меня единственной наследницей величайшего поместья в империи. – Графиня повернула к детям зардевшееся от воспоминаний лицо и присела в низком реверансе. – Графиня Татьяна Серена Александра Рушкина к вашим услугам.

Кейт и Эмма молча смотрели на ее склоненную в поклоне золотую головку. Майкл весь подался вперед и зашептал им:

– Вежливость требует...

Эмма что было силы пихнула его локтем в ребра. Кейт вспомнила тот день, когда они впервые увидели Графиню на плотине, и то, что уже тогда она показалась ей слишком красивой, слишком непосредственной, слишком живой и лучезарной. Теперь Кейт поняла почему: это все было неправдой. Графине не было ни шестнадцать, ни семнадцать лет. Если верить ее рассказу, она жила в царской России, а значит, сейчас ей было никак не меньше ста. Или даже больше. Магия сохранила ей молодость. Неудивительно, что порой казалось, будто она лишь старательно разыгрывает роль юной девушки.

Графиня поднялась с нежным шелестом шелков и посмотрела на танцующих.

– Да, – с умудренной усталостью сказала она, – таков был мой мир. У меня было богатство, положение, красота. И я была так простодушна, что считала, будто чего-то достигла! На деле же я до сих пор постигаю истинный смысл власти.

Она хлопнула своими затянутыми в бальные перчатки ручками, и все исчезло: мужчины в мундирах и фраках, женщины в бальных туалетах, оркестр, ливрейные лакеи, свет свечей – все. Дети оказались наедине с Графиней и ее крысозубым секретарем в огромной, молчаливой комнате. Только пламя свечей слабо трепетало вдоль стен.

– А теперь, – с улыбкой сказала Графиня, – не выйти ли нам на веранду? Я бы хотела немного освежиться. И еще мне кажется, что у вас есть кое-что для меня.

Кейт, Эмме и секретарю пришлось подождать, пока Майкл галантно подаст Графине черную шелковую накидку. Все это время Кейт пристально смотрела на секретаря, ожидая малейшего признака, что тот отвлекся и она может выхватить книгу. Она даже успела украдкой шепнуть Эмме приготовить фотографию.

Но больше всего ей хотелось, чтобы у нее перестали дрожать руки. Кейт крепко сжала их в кулаки, а когда это не помогло, незаметно от Эммы сунула в карманы. Ей не хотелось, чтобы сестра догадалась, насколько она напугана и беспомощна.

Секретарь что-то прошептал птичке, сидевшей у него на плече, и крепче прижал к себе книгу.

Внезапно Кейт почувствовала, как рука Эммы пробралась к ней в карман, разжала ее пальцы и просунула ей в руку свою ладонь. Подняв голову, Кейт увидела запрокинутое лицо сестры и ее темные глаза, полные любви и доверия.

Очень тихо, так, чтобы слышала только Кейт, Эмма прошептала:

– Все будет хорошо.

У Кейт чуть сердце не разорвалось. Она всегда знала, что ее сестра очень сильная, но ведь Кейт была на целых три года старше, а вот сейчас, когда все вокруг стало совсем беспросветно, именно Эмма пришла ей на помощь и придала мужества.

– Идемте же! – воскликнула Графиня, проходя мимо них к двери.

Она вывела их в небольшой каменный дворик за домом. Ночь была теплая, в воздухе душно и сладко пахло цветами. Стекланные драконы всех цветов радуги висели над двориком, пламя свечей плясало в их разинутых пастьях. На столике в центре стоял фарфоровый кувшин, а рядом с ним – большая хрустальная кружка, наполненная какой-то темной жидкостью.

– Садитесь, – предложила Графиня, указывая на стулья. – Я обожаю летним вечером посидеть на воздухе. Наверное, моя русская кровь постоянно напоминает мне о том, что зима всегда рядом. Хотите лимонаду? Даю слово, что он не отравлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.